

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a young man with short, light-colored hair and blue eyes looks directly at the viewer with a serious expression. He is wearing a grey hooded cloak over a red tunic and has silver arm guards on his forearms. Behind him, a large, dark blue dragon with yellow eyes and sharp teeth is visible, its head turned towards the left. The setting appears to be a desert or a dry landscape under a hazy, orange-tinted sky.

ДМИТРИЙ ЯНТАРНЫЙ

КЛАН ДРАКОНА
ВСТУПЛЕНИЕ

ИДДК

Клан дракона

Дмитрий Янтарный

Клан дракона. Книга 1. Вступление

«ИДДК»

2021

Янтарный Д.

Клан дракона. Книга 1. Вступление / Д. Янтарный — «ИДДК», 2021 — (Клан дракона)

«Вступление» – фантастический роман, Дмитрия Янтарного, первая книга цикла «Клан дракона», жанр приключенческое фэнтези, юмористическое фэнтези. Настоящий король должен уметь решать две задачи одним ударом. Даже если у него под носом чуть было не устроили государственный переворот. Причём – именем его собственного сына. Но опыт не пропьёшь. Зачинщиков – казнить, народ – успокоить, а принца... можно, например, отправить налаживать отношения... с драконами. Раса древняя, таинственная, магически одарённая – и при этом сама, по неизвестной причине, активно ищущая контакта с людьми. И при этом не имеет значения, что прочие короли в такие браки своих сыновей и дочерей предпочитают не отдавать. Наш принц вполне самостоятельный. Уже активно использует свои таланты во благо государства. Магией, опять же, немного владеет. Так что такая задача ему будет вполне по силам. Справится. Как-нибудь... Может быть...

© Янтарный Д., 2021

© ИДДК, 2021

Содержание

Часть 1	5
Глава 1, в которой я беззаботно наслаждаюсь жизнью, попутно решая мелкие дела государственной важности	5
Глава 2, в которой я возвращаюсь в место, где когда-то учился магии, и получаю множество пищи для размышлений	10
Глава 3, в которой я возвращаюсь обратно в столицу	14
Глава 4, в которой я возвращаюсь в Виллгард, праздную день рождения и получаю неожиданное известие	17
Часть 2	22
Глава 1, в которой меня удивляют ошарашить совершенно неожиданной новостью	22
Глава 2, в которой я начинаю терять контроль над происходящим	25
Глава 3, в которой меня начинают приводить в надлежащий товарный вид	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Янтарный

Клан дракона

Вступление

Книга 1

Часть 1

Неожиданное известие

Глава 1, в которой я беззаботно наслаждаюсь жизнью, попутно решая мелкие дела государственной важности

– Аркус, далеко еще до трактира? – спросил я кучера, приоткрыв слуховое окошко.

– Час езды, ваше высочество, – ответили мне снаружи кареты, – недолго осталось. Хотя с такими дорогами ехать стало – одно удовольствие. Вот уж не думал, что на своем веку такое чудо застану.

И это было правдой. Деревья в лесах, кустарники, реки и озера – все проплывало мимо нас так гладко и незаметно, что, казалось, это действительно они двигаются, а мы стоим на месте. И лишь стук копыт тройки лошадей, везущей нашу карету, нарушал эту идиллию.

Прекратив созерцать виды за окном (по определенным причинам за последние полтора года дикой природой я был сыт по горло), я откинулся на своем сиденье. Лучше было лишний раз проверить деньги и документы. Подсумок с ценным содержимым я проверял чуть ли не каждый час. И в этом нет ничего удивительного, особенно, если вспомнить, какими усилиями я их выбил и на что планировал потратить.

– Что, вашбродь, скоро приезжаем? – слышался голос с противоположного сиденья. Мгновение спустя клубок черной одежды, на который с непривычки можно было даже не обратить внимания, развернулся, и передо мной предстал Ахеол – мой телохранитель, невысокий крепкий человек с ежиком черных волос и цепкими зелеными глазами. Он был приставлен ко мне с возраста в 11 лет и верно служил уже восьмой год. И, стоит сказать, его услуги порой были просто неоценимы, особенно после того случая, когда... Да, когда я значительно переоценил свои возможности принца и подверг свою жизнь слишком большому риску.

– Скоро будем в «Серебряном желуде», – ответил я, вспоминая, до какой степени мне удалось раздраконить половину знати и как вовремя мне удалось оттуда смыться на неопределенный период времени.

– Ой, как здорово, – потер руки Аркус, – давно я не видывал мою ненаглядную Аглаюшку...

– Ахеол, – сурово сказал я, делая самое строгое лицо, на которое был способен, – сегодня я еду в этот трактир, чтобы заключить с хозяином королевский контракт. Ты можешь хотя бы сегодня не подкатывать к его супруге?

– Вашбродь, – Ахеол схватился за сердце, демонстрируя высшую степень оскорбленности, и даже попытался забиться в припадке, но потом все же передумал, решив не передергивать. Даром, я отлично знал как то, что Ахеол – искуснейший лицедей, так и то, что из любой позы ему нужно меньше трех секунд, чтобы переломать противнику все кости, – ну как я могу видеть страдающую женщину и не утешить ее? Думаете, раз меня с улицы подобрали,

натаскали и к вам пристроили, так я и не знаю, как оно бывает? Хозяева трактиров среди простого люда настолько завидные женихи, что на какую девку он в деревне пальцем покажет – ту ему под венец и приволокнут. А теперь что? Ему пятьдесят, он даже если и захочет – ничего в постели не сделает. А ей тридцать только, и она, как бедная голубка, целыми днями в этой таверне пашет и света белого не видит.

– Ахеол, это не наше дело, – проворчал я, понимая, что слышу это, наверное, уже сотый раз, и с трудом удерживаясь от того, чтобы не закатить глаза. – В любом случае, ты хотя бы сегодня можешь держать себя в руках? Мы туда, вообще-то, по государственному делу едем. И нас еще, вообще-то, в Орхорском Магическом Университете на этой неделе ждут.

– Ой, а в Университете меня Матьюшка, завхозница, ждет, – глаза Ахеола снова заблестели в предвкушении скорой встречи. – Каждый раз так мне рада, такой стол собирает, какой вы, вашбродь, никогда в жизни и не отведали, вот зуб даю. А уж когда я наемся такой вкуснятины, так потом в постели...

– Я тебя когда-нибудь уволю, – проворчал я, скрестив руки на груди.

– Ах, вашбродь, – с притворной тоской вздохнул Ахеол, бросая полный печали взгляд в окошко кареты и подпирая голову рукой, – вы все только обещаете и обещаете. А хочется на волюшку-то, как есть, хочется, да только разве ж вы мне когда бумагу такую подпишете?..

Фыркнув, я неизвестно который раз полез в кожаный подсумок, проверяя бумаги и деньги. Ясное дело, что вся эта беседа носила самый несерьезный характер. После того, как я дороги в королевстве в порядок привел, Ахеол стал мне предан еще больше, хотя, казалось бы, после полутора десятка сорванных покушений, куда уж больше. И он прекрасно знал, что я никуда его от себя не отпущу, да он и сам не хотел уходить.

И мы ехали и ехали, дорога, по которой катилась наша карета, была идеально ровной. И в этом – целиком и полностью моя заслуга.

* * *

В возрасте с шестнадцати до восемнадцати лет я, принц Дитрих Атросский, занимался тем, что приводил дороги нашего королевства в порядок. Ведь, в самом деле, как государство может быть процветающим, если пятерка крупных городов соединена между собой дорогами такого качества, что осенью и весной девять из десяти караванов отказывались путешествовать – себе дорожке выходило. И после своего обучения в Орхорском Университете Волшебства я, выпровоженный досрочно из Университета по комплексу самых разных причин, поднял эту тему в разговоре с отцом. И была у нас с ним на эту тему очень долгая дискуссия.

Я люблю своего папу. Очень люблю. И он хороший король. Хотя... с какой точки зрения посмотреть. Народ его, конечно, не очень, чтобы любит, но с учетом того, что некоторых наших предков пару столетий назад и на вилах из дворца выносили, держался он очень неплохо. Но при этом у него был глобальный правительственный заскок: внешняя политика его интересовала раз в десять сильнее, чем внутренняя. Мол, собственное население до этого как-то жило – и после проживет, раз уж привыкло терпеть. А вот налаживание отношений с внешними странами – это было очень важно. И сколько бы я ни приводил аргументов, что от хорошей сети дорог выиграют все, ясно было одно: он меня просто не слышит. И лишь приведя последний аргумент: мол, к нам приезжают зарубежные послы – а у нас даже дорог нормальных нет, удалось-таки сдвинуть дело с мертвой точки. Хотя свою роль сыграл и тот факт, что я его основательно этим достал. Да, я умею быть убедительным.

В итоге мне была выделена требуемая сумма из казны и срок в четыре месяца, по итогам которого я должен был предоставить результат. Я лично пригласил инженеров из расы гномов, которые рассчитали строение дорожного полотна так, чтобы оно прослужило не одну сотню лет.

Впрочем, гномы были и среди обычных строителей. И именно они были самыми выносливыми и верными рабочими. После первого этапа, когда удалось соединить дорожной сетью Столицу и Хандомак, второй город в нашей стране Тискулатус, многие рабочие просто ретировались, не выдержав темпа работы. К слову сказать, в Университете я доучился до иллюзиониста высшей категории, так что работа шла ежедневно, невзирая на погодные условия, ибо для меня сотворить стеклянный купол, не пропускающий воду – пара пустяков. И только гномы целых два года отработали, что называется, от звонка до звонка, за что и были награждены лично от меня алмазными кирками помимо обычной оплаты.

Первые результаты поступили немедленно: из Хандомака в столицу Виллгард прибыло пять караванов за месяц – и это при том, что раньше один караван в месяц считался огромной удачей. И главный казначей, который во время строительства хватался за сердце с каждой новой подписанной сметой, радостно бегал вокруг моего отца и показывал ему, какие доходы пророчит уже выстроенная дорога. Моя вовремя вставленная реплика по поводу того, что чем более богатым и процветающим будет наше королевство, тем более привлекательно мы будем выглядеть для соседних государств, дала уже полностью неограниченный доступ к казне и приказ: в кратчайшие сроки соединить дорожной сетью все пять городов.

И я это сделал за два года. И был страшно этим доволен. Ибо благодарность жителей нельзя было передать словами: меня были готовы буквально на руках носить. Частые караваны из города в город сделали цены на многие продукты и товары первой необходимости едва ли не в полтора раза дешевле. Ну а я – я занимался тем, что путешествовал по городам и принимал заслуженные лавры. Все мы любим получать награды за свои труды.

* * *

Когда наша карета подъехала к таверне, нас уже встречали. Понятия не имею, как трактирщик умудрился узнать о нашем приезде, благо что экипаж у нас был самый обычный. На этом настоял Ахеол, справедливо утверждая, что главное правило любой безопасности – лишний раз не привлекать к себе внимания. И хотя тройку лошадей может себе позволить любой вельможа со двора, хозяин придорожной таверны, казалось, ждал именно нас. С другой стороны – чему тут удивляться? Что знатный вельможа из столицы мог забыть в этой таверне?

– Ваше высочество, принц Дитрих, – хозяин таверны склонился, после чего щелкнул пальцами, и два пацаненка под присмотром кучера стали распрягать лошадей. – Огромная, огромная радость для нас принимать вас здесь, под своей крышей. Насчет ужина для вас и ваших слуг распоряжения уже отданы. Может, желаете помывку после дороги?..

– Нет, благодарю вас, господин Гвен, – кивнул я. – Я здесь еще и по одному делу. Но сначала, конечно, было бы здорово перекусить.

– Прошу следовать за мной...

* * *

– Итак, ваше высочество, – хозяин таверны Гвен, после поданного ужина пригласив меня пройти в его кабинет, смотрел в предложенную бумагу, не смея верить своим глазам, – вы предлагаете такие... такие чудесные условия? Да как же это... радость-то какая...

– Именно, – кивнул я, толкнув пальцем увесистый кошель с авансом в сторону трактирщика. – В связи с тем, что ваш трактир как раз находится на новой дороге, мы берем на себя расходы в следующий год вашей работы здесь. Мы всерьез намерены развивать инфраструктуру построенной дороги. Сейчас мы предлагаем людям открывать подобные трактиры и компенсировать первые полгода работы. Но поскольку вы, с огромным риском для себя, на собственные средства открыли это заведение – мы, – я, вспомнив бьющегося в истерике казначея,

поправился, – я решил, что подобная инициатива должна поощряться. Ведь, к сожалению, проблема разбойников все еще актуальна для нашего королевства, и я прекрасно понимаю, что вы не только деньгами рисковали.

– Да, – со страхом кивнул хозяин трактира, поеживаясь и невольно бросая взгляд в окно, – были здесь лихие люди... Так что вашему человеку, что вы послали разобраться, я по гроб жизни обязан... Если бы только, – побурев, он устался в стол, – он около моей жены не увивался...

– Только с одним условием, – я поспешно продолжил, не желая говорить на неудобную тему, и придвинул кошель с авансом еще ближе к трактирщику. – Стража начинает патрулировать дороги. В целях защиты от тех же разбойников. Так что прошу вас: если будут останавливаться в вашей таверне стражники – предоставлять им пищу и постель. Поначалу их будет немного: самое большее, двое в одну сторону, и двое в обратную – раз в неделю. А когда уже расширение будет, да сторожевые башни появятся, там уже и решим, как дальше быть.

– Конечно, конечно, ваше высочество, – угодливо закивал трактирщик, любовно поглаживая по кошелью с золотом. – Вы мне такую благодать принесли... что же мне, для стражей порядка такой мелочи жалко будет? Не извольте беспокоиться, ваше высочество, обслужим ваших людей в лучшем виде...

* * *

– Ахеол, я же тебя просил, – устало сказал я телохранителю, когда мы на следующее утро ехали в Орхорский Университет. – Неужели нельзя было всего один день потерпеть?

– Вашбродь, вот клянусь, споткнулся о рогожку окаянную, уж не знаю, как она там оказалась. Не было б рогожки – никто бы меня и не увидел даже.

– Ну да, конечно, – хмыкнул я, – телохранитель высшей категории с пятнадцатилетним стажем работы не заметил под ногами рогожки. Своих согильдийцев этими баснями развлекай.

– Да... да хоть бы и так, – сердито ответил Ахеол, – а только свинья этот трактирщик. Я его шкуру, между прочим, в свое время спасал, по вашему приказу да за спасибо, которое ни в карман не положишь, ни на х... не натянешь никуда. А ему жены жалко на одну ночь, которой он уже сам ничего сделать не может. Как собака на сене. Да эта собака мне вообще сапоги лизать должна, вы не знаете, из какой дыры мне пришлось его тогда вытаскивать.

– Для тебя это была пара пустяков, – фыркнул я.

– И что? – резонно возразил Ахеол. – Он не благородных кровей, что о благополучии простого народа думают. Он – хитромордая свинья, которая о своем кошельке заботится и все соки из своих работяг пьет. Да знаете, как таких жадных до денег клопов казнили раньше?

– Ну и как? – заинтересованно спросил я.

– Клали жлобюру на дыбу особую, над шеей дырочка небольшая оставалась. На шею жадюге ошейничек вешали из кожи покрепче, а через отверстие на шнурочке – котелок. И в котелок по одной монетке бросали. Монетка звяк-звяк, жмотяра глазками зырк-зырк, воздушшек в грудь дых-дых, да с каждой монеткой медленнее... И так, пока не задышался под весом денег...

– Оставь свои больные фантазии при себе! Скажи уж сразу: нравится тебе бедокурить, и чтобы я потом перед простыми людьми за тебя краснел. У, наглая рожа, – сердито сказал я, бросая в него подушкой, – сгинь! Глаза б мои тебя не видели.

– Не извольте сердиться, вашбродь, уже сгинул, – покорно сказал Ахеол, запахиваясь в свой черный плащ и снова становясь кучей тряпья, на которой глаз даже специально не хотел задерживаться.

– Ахеол, да как ты это делаешь-то? – не удержался я. – Уж я иллюзионист высшей категории – и то вижу, что магии нету.

– Жить, вашбродь, захотите – так улица и не такому научит, – отозвался голос из кучи тряпья. Я благоразумно решил прекратить разговор: Ахеол *ненавидел* жаловаться на тяжелое детство; если уж он стал о таком упоминать – значит, и правда стоило прервать разговор.

Глава 2, в которой я возвращаюсь в место, где когда-то учился магии, и получаю множество пищи для размышлений

И вот за окном показалось очередное озеро. И это вытянутое озеро означало, что до Университета оставалось совсем недолго. Между прочим, стоило отдать магам должное: вблизи Университета они и до меня поддерживали дороги в относительном порядке. Даже больше: желание сделать ровные и удобные дороги не возникло в моей голове само по себе. Просто я до сих пор помню, с каким восхищением воспринял то, что ехать наконец-то стало удобно и спокойно. И понял, что ВОТ Так должно быть во всем Тискулатусе.

Университет остался точно таким, каким я его помню. Огромный двор площадью, наверное, верст двадцать, не меньше, разделенный на две части: учебные корпуса и жилые. На одной половине учебные корпуса: один самый большой (для теории магии), четыре поменьше (стихийные и для различных практических занятий) и еще три, которые между собой делили целители, рунники, мои коллеги по ремеслу – иллюзионисты – и прочие, не столь популярные направления волшебства. С другой стороны – общежития. Четыре студенческих: первые два – для господ побогаче, вторые – для тех, кто, скажем так, побюджетнее. Чуть более комфортабельный корпус для преподавателей и личный домик ректора Университета. Сейчас, летом, деревья пышно цвели по всей территории замка. И хотя было начало лета, на участке с фруктовыми деревьями уже вовсю спели яблоки, груши, вишни и все остальное. Значит, у магов земли уже началась летняя практика.

Ахеол по прибытии зашел в сторожку и о чем-то переговорил с вахтером. И хотя разговаривал он лениво и развязно, я знал, что он оценивает степень надежности текущих охранных чар. Сегодня он остался ими доволен, впрочем, как и обычно: со всем подобострастием поклонившись мне, он вальяжно направился в сторону студенческих кухонь. Мне оставалось лишь устало закатить глаза: это был как раз тот случай, когда горбатого не исправит даже могила. Впрочем, с той жизнью, что ему досталась, спиться, скуриться или подсесть на, скажем так, более интересные и труднодоступные вещества можно было только так. Подобное пагубное пристрастие – не самое худшее, что может произойти с человеком.

– Ваше высочество, вам, вероятно, к ректору? – вежливо осведомилась встречающая меня горничная, с толикой сожаления провожая взглядом Ахеола.

– Да, Алисия, будь так добра.

– Ваше высочество, вот честное слово, казалось, что вы только вчера выпустились – а уже два года прошло, – радостно порхая рядом, затараторила старшая горничная, – да недаром прошло-то: я зимой на родину отдыхать ездила – дороги стали такие, что глаз не нарадуется.

– Спасибо, Алисия, – кивнул я девушке. – Собственно, для того, чтобы оценить, насколько это повлияло на деятельность различных учреждений, я и путешествую сейчас по Тискулатусу. Кстати, часть вопросов я мог бы задать и вам. Ведь вы, как старшая горничная, наверняка в курсе многих хозяйственных нюансов?

– Вопросы? Мне? Да я буду счастлива ответить, господин Дитрих, спрашивайте, конечно!

– Поставки продовольствия стабилизировались после того, как была налажена дорога между Виллгардом и Кархалгой?

– Ваше высочество, даже не упоминайте, – Алисия даже зажмурилась от удовольствия. – Раньше у нас только один поставщик был, гном Керейн, да жадюга такой, что за лишний медяк удавится. А теперь три орка, братья вроде как, тоже поставками стали заниматься... Парни честные, толковые, за данное слово в лепешку расшибутся, но сдержат. Тут уже и Керейну пришлось цены пересматривать... Ой, господин Дитрих, вы бы видели, какая у него рожа была,

когда я ему сказала, что у него теперь альтернатива появилась... честное слово, за двадцать лет этот жмот мне столько крови выпил, что я бы месячный заработок не пожалела, чтобы его рожу наглуго в этот момент зарисовать, да любоваться по утрам для хорошего настроения...

В этот самый момент мы как раз заходили в здание Главного корпуса. Некоторые студенты со мной даже здоровались по старой памяти, я рассеянно кивал им в ответ. Вот только внимание мое привлекли двое. Высокий черноволосый мужчина в богатом фиолетовом наряде и девушка с серебряными волосами в изящном синем платье. По непонятной причине я чувствовал к ним странное влечение... хотелось подойти и заговорить о чем угодно. Но в то же время я чувствовал исходящую от них опасность. Я чувствовал магию... сильную магию. Настолько сильную, что даже ректор, быть может, не сможет поспорить с ними магическим могуществом. Мужчина разговаривал с заведующей учебной частью леди Эмеральдой, девушка же простодушно осматривалась по сторонам. И в тот момент, когда наши глаза встретились, я увидел то, что заставило мое сердце забиться втрое быстрее. Вертикальные зрачки. Эти гости были драконами.

Нет, с одной стороны, в том, что драконы решили посетить Университет, не было ничего зорного. Да, наше прошлое с драконами было весьма кровавым, но с тех пор уже шестьсот лет они жили на своем архипелаге и почти не проявляли интереса к прочим расам. А Университет... Ну, ректор по долгу службы вынужден иметь дело с очень разными личностями. Так почему бы и не с драконами?

– Вот поверить не могу, господин Дитрих, – продолжала беззаботно щебетать Алисия. – Два года назад вы занимались тем, что стреляли чернильными пулями в завхоза и затыкали фонтан колдовским пластилином, а теперь ходите тут и справляетесь о нашем благополучии. Как же для вас, людей, быстро время летит. Ох, прошу прощения, – эльфийка почтительно склонилась, – я вас не обидела?

– Нисколько, Алисия, – улыбнулся я, – толку от правды нос воротить? А, позволю спросить, что здесь делали этот странный почтенный мужчина и девушка...

– Не спрашивайте, господин Дитрих, не спрашивайте, – девушка так сильно замотала головой, что оставалось лишь удивляться тому, как она у нее не закружилась. – Я – маленькая эльфийка и жить мне хочется долго и спокойно. И, хоть я и знаю, что приказывать вам не вправе, но все же рекомендую: и ректору этот вопрос не задавайте. Сами же понимаете, какое это тонкое и деликатное дело...

– Я подумаю, – кивнул я...

* * *

Сидя в кабинете, я задумчиво созерцал ректора Арихиэля в его кресле. Стоило признать, внешность у ректора была более, чем запоминающаяся. Ведь его родителями были орк и эльфийка, что не могло не сказаться на его внешности. Кожа, к счастью, оттенки зелени не сохранила, но вот выпирающие из верхней челюсти клыки вкупе с заостренными ушами давали просто незабываемый эффект. И как будто этого было мало, у ректора была гетерохромия: один глаз был карим, другой – зеленым. Но при всем при том, в волшебном могуществе с ректором во всем Тискулатусе не мог потягаться никто. Ибо в обмен на внешность природа наградила его полновесной магией огня и такой же по качеству магией природы. Что позволяет ректору Арихиэлю занимать сей пост уже семьдесят лет.

– Ваше высочество, принц Дитрих, – кивнул ректор. – Я ожидал вашего приезда.

– Благодарю, – кивнул я. – Как вы знаете, я вложил определенные силы в то, чтобы сделать дороги нашего государства более комфортными для пользования.

– Дитрих, не скромничайте, – усмехнувшись, сказал ректор. – Вы проделали такой труд, какой никому из ваших предков и не снился. Вы набираете большую популярность в народе, – последние слова он произнес многозначительно, словно ожидая какой-то реакции.

– Да, – кивнул я, – это приятно, спорить не буду. Но все же сейчас я занят следующим: продолжаю работать над тем, чтобы развить инфраструктуру этих дорог. Трактиры, сторожевые башни... В двух точках дороги ведут в трех направлениях: на этих местах можно организовать гарнизоны.

– Да, это значительно повысило бы безопасность на дорогах, – кивнул ректор. – Но при чем тут мы?

– Отец поручил мне измерить, насколько это возможно, уже полученный от этого эффект. И, как вы понимаете, к Университету, который снабжает наше государство магами, особый интерес. С вашего позволения – несколько вопросов.

– Конечно, – кивнул ректор. – Спрашивайте принц Дитрих.

– Было ли в этом году больше заявок от новых студийцев? – спросил я, доставая первый свиток из кожаного подсумка.

– Уже на двадцать процентов больше, – усмехнулся ректор. – А ведь только середина лета. Уже приходится в общежития ставить дополнительные койки. По правде говоря, – задумчиво сказал ректор, – не помешали бы дополнительные корпуса к общежитиям...

– Мы что-нибудь придумаем к следующему году, – пообещал я, делая в бумагах пометку. – Горничная Алисия сказала, что ситуация с припасами у вас стабилизировалась.

– Да, мы стали тратить на продукты меньше на тридцать процентов, – кивнул ректор. – Так что, думаю, в этом году мы пока справимся своими силами с тем, чтобы предоставить излишку студентов форму и питание, но в будущем, опять же, прошу вас пересмотреть финансирование по этой статье.

– Финансирование назначается от фактического количества студентов, господин ректор, – кивнул я. – В начале осени предоставьте, пожалуйста, полный список студентов. Мы пересмотрим финансирование с Нового года...

Еще несколько подобных вопросов. Наконец, мы закончили, ректор довольно улыбнулся:

– Вот видите, Дитрих, я же вам говорил: в вас – нескончаемый потенциал возможностей. И судьба одарила вас такими условиями, о которых можно только мечтать. Вашу неугасающую энергию, да в правильное русло – и вы чудеса творить начнете. Даже я, клыкастый и ушастый, ничего подобного при жизни не видел.

– Да полно вам, милорд ректор, – смутился я, – зачем вы так о себе...

– Ой, Дитрих, – махнул рукой ректор, – да треть разговоров во всем Университете только об этом. Ну да пусть судачат. Зато всегда есть повод взять за шкирку, кого надо. А вообще: вы принадлежите к одному проценту моих знакомых, которые не придают этому значения.

– Ну, здесь уже играет роль мое собственное происхождение, – пожал я плечами. – Я – принц. И моя обязанность – проявлять заботу о каждом подданном, вне зависимости от его расы и происхождения.

– Приятно это слышать. Не удивлюсь, если однажды вы станете отличным королем, – в этот момент он снова посмотрел на меня со странным намеком, но, увидев мой недоумевающий взгляд, поспешно продолжил. – Я сам стараюсь придерживаться подобных взглядов. Рацион в столовой я уже всем уравнил. Воплей было много, но мне удалось настоять на своем. Еще бы эти блатные общежития уравнивать, но там совсем уж глотки понадрывают, если сейчас тронуть... Ничего, если в следующем году еще один корпус общежития появится, глядишь, и придумаем чего. Я так понимаю, господин принц, вы узнали все, что хотели.

– Почти, – кивнул я. – Мне бы хотелось задать вам немного личный вопрос. Что в здании Университета делают драконы?

Ректор, казалось, на мгновение утратил невозмутимость. На кулаках выступили костяшки, а зрачки самую малость расширились.

– А вот о факте того, что в Университете драконы, я бы попросил сильно не распространяться, – сдержанно сказал Арихиэль. После чего рывком встал со своего кресла, подошел к окну и посмотрел в него.

– Ваше высочество, – донесся до меня его тихий и взволнованный голос. – Вы знаете, что я всегда хорошо к вам относился, так вот сейчас мой вам совет. Забудьте о том, что видели сегодня здесь драконов. Потому что в противном случае это ударит по вашим интересам и совсем не так, как вы того ожидаете. А теперь, – дверь за моей спиной открылась сама собой, – не сомневаюсь, что у вас есть много важных дел.

Покидая кабинет ректора, я, невзирая на настоятельную рекомендацию от того, кто понимал в десятки раз больше, чем говорил, никак не мог выбросить эти мысли из головы. Что значит: ударит по моим интересам? У меня-то какие могут быть дела с драконами? Но ответа на этот вопрос, конечно, не было...

* * *

Когда я возвращался обратно, то внезапно столкнулся нос к носу с сэром Аристо.

– Какая встреча, ваше высочество, – ехидно ухмыльнулся преподаватель иллюзий. – Рад, безмерно рад вас видеть.

– Добрый день, сэр Аристо, – почтительно склонился я.

– Наслышан о твоих подвигах, наслышан, – улыбнулся преподаватель. – Вот это я понимаю – направить молодую неумную энергию, да в нужное русло. А то ученик-то ты был способный, Дитрих, да только дурь в голове так играла, что только и оставалось, что за голову хвататься. Особенно эти чернильные пульки... вы бы знали, сколько времени после вашего исклю... выпуска понадобилось, чтобы их полностью искоренить, сколько хворостин о нерадивые задницы измочалить.

– Вы тоже когда-то были ребенком, сэр, – хмуро заметил я, – и, уверен, что в свое время тоже добавили седины своим наставникам.

– Как не стыдно, принц Дитрих, – сэр Аристо покачал головой. – Я был благочестивым и степенным ребенком, гордостью своих родителей, ныне покойных, да благословит Создатель их души. Так, что-то давно кухарки Матьи не было видно, – сказал он, сворачивая в сторону кухонь, – я же час назад просил ее принести мне обед. Куда она запропастилась?

Еще до того, как мы подошли к продуктовой подсобке, я уже услышал вполне характерные придыхания и стоны. В следующий момент преподаватель открыл дверь подсобки... и застыл, скептически осматривая увиденную сцену. После чего с самым ехидным выражением лица повернулся ко мне и сказал:

– Ваше высочество! Не будете ли вы так добры прояснить нам некоторые моменты сложившейся ситуации?..

Глава 3, в которой я возвращаюсь обратно в столицу

– Эх, хорошо с вами путешествовать, вашбродь, – Ахеол довольно откинулся в карете, поглаживая сытое брюхо и изредка спуская руку ниже почесать сокровенное, – и старых знакомых навещаю, и новых завожу... красота, да и только. Во дворце особо не разгуляешься, там на рожу приличных – раз, два – и обчелся, так еще и язык у всех, как помело.

– Я тебя когда-нибудь прибую, – выдохнул я, жалея, что под рукой нет хорошей сковороды, – Придушу, утоплю, шкуру живьем спущу! Ну неужели нельзя было найти более укромное место?!

– Очень соскучился я по Матьюшке, вашбродь, – виновато сказал Ахеол. – Как только она накормила меня, тут я и понял, что все, не могу больше сдерживаться...

– УБЬЮ!.. – взвыл я, бросаюсь на него и начиная душить.

– Это вы, вашбродь, правильно, гнев в себе не держите, вредно это для душевного здоровья, – успокаивающе приговаривал Ахеол, совершенно не сопротивляясь. При этом было такое чувство, что сжимаю я не шею живого человека, а, по меньшей мере, железную трубу. – Хотите, вы в меня потом из арбалета постреляете? Прекрасно успокаивает нервы, уверяю вас! Или, нет, есть идея лучше! Вы меня свяжете, чтобы я, такой негодяй, не смел сопротивляться, а сами в меня кинжальчиком потыкаете?

Застонав, я отпустил его, откинувшись на своем сиденье. Меня до сих пор трясло от унижения, когда я вспоминал сцену, где сэр Аристо отчитывал меня перед ректором Арихиэлем. К счастью, ректор проявил понимание и очень быстро прекратил унижительные распеки.

– Ахеол, почему ты не женишься? – устало спросил я. – Ну зачем тебе столько женщин? Всех же все равно не перелюбишь. Или тебе так в удовольствие на моих нервах играть?

– Да как можно, вашбродь, – мерзкий лицедей снова бросился мне в ноги. – Да я только благодаря вам, считай, и человеком стал, свет белый хоть немного повидал. А насчет любви – так меня, может, вашбродь, Создатель для того таким сотворил, чтобы я бедным и несчастным женщинам, которым судьба дала не самую завидную долю в виде женитьбы по расчету на каком-нибудь старом хрыче, ночь любви и ласки дарить. А женщин таких по деревням ой много, вашбродь, много, боюсь, что и не хватит меня на всех-то...

Я лишь устало закатил глаза. Сколько ни спорил с ним на эту тему – всегда он умудрялся, аки змей, ускользнуть от этой темы.

– Ну а детей твоих сколько сейчас по деревням Тискулатуса бегают – таким вопросом ты не задавался? – спросил я.

– А ежели и бегают – так что с того? – легкомысленно пожал плечами телохранитель. – Плодиться да размножаться тоже кому-то надо. Да и потом – коли моя порода, так выживут, вашбродь, все выживут. Я же выжил вот как-то. Хотя папашку своего в глаза ни разу не видел. И они выживут, вашбродь.

– Ну, если повезет в детские дома попасть, – мрачно ответил я, открывая окошко за своей спиной, через которое обычно переговаривался с кучером, – тогда, может, и выживут.

– А вот и наоборот, Ваше Высочество, – кучер с внешней стороны не преминул возможностью вступить в разговор, зная, что при мне можно позволить себе куда большую степень откровенности, чем во дворце. – В сиротских приютах детей, конечно, кормят, но и ломают так, как себе даже представить не можете. Я вот сам в сиротском приюте рос. Так там такая экзальтированная мымра была, Ваше Высочество, вы и представить себе не можете. Точно знаю, что трижды выходила замуж, но все три раза мужья у нее поумирали за месяц. А уж на что она любила в черное наряжаться – так и прозвали ее Черной Вдовой. И вот это была всем сукам сука, ваше высочество, уж не обессудьте за прямоту. Ни хворостиной, ни ремнем, ни хлыстом она, действительно, не пользовалась ни разу в жизни, о чем с гордостью голосит на

каждом шагу. Но вот морально она могла кого угодно сломать. Да чего за примером далеко ходить: взять меня хотя бы. Я ведь, ваше высочество, рисовать мечтал всегда. В академию хотел поступать, которая искусства в Кархалге. А только поговорила со мной Черная Вдова всего один раз – и все мечты в порошок. Вот, кучером стал, людей вожу. Искусством должны заниматься люди благородные, кого к этому с детства приучают. А простые люди, навряд ли меня, кучерами больше пользы обществу пользы приносят, – злобно закончил кучер, явно повторяя услышанные в детстве слова.

Я бессильно закрыл глаза. Сиротские дома были самой больной темой нашего государства, да и не только нашего. Мой старший брат, Отто, специализирующийся на военном деле, наверное, раз десять пытался организовать систему, по которой из детских домов способных детей забирали бы в военное училище. Проблема была в том, что государство наше было небольшим, военное училище было всего одно. И служить государству всегда считалось дворянской привилегией. В итоге даже мой старший брат – на минуточку, прямой престолонаследник! – и тот не смог потеснить дворянство больше, чем на четверть.

Средний брат, Освальд, покровительствовал искусствам: стихосложению, живописи, пению, да, в общем-то, даже входил в попечительский совет Академии искусств, о которой и упоминал кучер Аркус. Но все его поползновения в дома сирот закончились лишь тем, что ему удавалось отбирать ребят с хорошими вокальными данными. Естественно, ни художников, ни композиторов, ни поэтов среди сирот не было и быть не могло. Такое могло прийти только с опытом и если у ребенка есть желание и возможность. А в сиротских домах желания детей учитываются чуть реже, чем никогда.

Я же, младший принц, оказался от природы одарен магическими способностями. И со своей стороны после исключения – то есть окончания! – Университета предложил ректору ежегодно проверять сирот на наличие сильных магических способностей. Стоит сказать, что подобное практиковалось и раньше, но возможность сироты поехать учиться в Университет полностью зависела от хозяина сиротского приюта, который щелчком пальцев мог решить судьбу ребенка так, как посчитает нужным. И только мне год назад удалось оформить это во вполне реальную статью расходов по казне и внести поправки в закон, согласно которому теперь об одаренных магией детях начальники приютов обязаны были сообщать надлежащим лицам.

В итоге – даже мы, трое принцев, своими действиями могли повлиять на будущее от силы четверти ребятишек, попавших в детский дом. Если ребенок не был способен к военной службе, не обладал вокальными данными и способностями к магии – его ждало такое будущее, какое посчитает нужным начальник приюта.

– Я не знаю, что с этим делать, – устало сказал я. – Мы с братьями уже думали об этом бесчисленное количество раз. Не имеем мы права по закону принуждать кого-либо заботиться о чужих детях. Найти человека на должность начальника приютского дома – это головная боль, равносильной которой сложно придумать что-либо. Ибо человек нужен: грамотный, умеющий работать с детьми, финансово подкованный, умеющий руководить трудовым коллективом. А такие люди очень редко предпочитают управлять детскими домами, потому как они нередко востребованы в других, более перспективных и высокооплачиваемых местах.

– Но, ваше высочество, – горячо возразил кучер. – Дети ведь – это будущее нашей страны! Как можно бросать их на откуп таким, как Черная вдова? Впрочем, – добавил он, – я вижу, что вам не все равно. И от того, что я вожу именно вашу карету, моя жизнь не такая беспросветная. Хотя, как знать, стань вы королем – может и удалось бы что изменить.

Эти слова меня зацепили. Уже, наверное, третий раз за последние два дня я слышу о том, каким бы хорошим я был королем.

– Прямой наследник трона – Отто, – ответил я. – Конечно, я продолжу заниматься делами государства, возможно, даже займу кресло какого-нибудь министра или советника, но трон мне вряд ли светит.

– Как знать, ваше высочество, – ответила черная куча тряпья голосом Ахеола, о существовании которого я уже успел забыть. – Жизнь-то, она имеет обыкновение складываться так, как от нее никто и не ожидал.

Глава 4, в которой я возвращаюсь в Виллгард, праздную день рождения и получаю неожиданное известие

К счастью, вернуться в Виллгард мне удалось незамеченным. Спору нет, выслушивать восторги от людей по поводу новых дорог было чертовски приятно... первые минут десять. Потом это все начинает утомлять.

Перебросившись парой фраз со слугами, Ахеол и Аркус организовали мне перемещение до моей комнаты с минимальным количеством нежелательных встреч. В комнате я стянул с себя одежду и поспешил в ванную комнату, где меня уже ждал чан с ароматной водой. Вот уж чего мне точно в дороге не хватало – это возможности вымыться. Прележав в чане полчаса, я вытерся, облачился в купальный халат и вернулся в свою комнату. И на кровати, конечно, уже лежала леди Эшли.

– Здравствуй, Дитрих, – ласково улыбнулась она, в то же время плотоядно облизываясь. – Я скучала по тебе, мой принц.

– Ах, да, здравствуйте, мадам Эшли, – улыбнулся я. – К сожалению, сегодня у меня болит голова.

– Ах, ты, маленький, негодный мальчишка! – леди Эшли, обладавшая минимальными способностями к магии воздуха, щелкнула пальцами, в результате чего меня отбросило на кровать. – Все время цепляешь меня этими словами! Да, я старше тебя на шесть лет, но какая я тебе мадам? Я еще даже ни разу замужем не была, – она деловито устраивалась на мне сверху, нарочито медленно стягивая пояс халата, – или для тебя, девятнадцатилетнего, уже, значит, старуха? Ну а головную боль мы сейчас будем лечить.

Вообще, конечно, знакомство с леди Эшли было тем еще фарсом. Мой старший брат, Отто, по достижении возраста в семнадцать лет, выбрал себе маленькую, скромную фрейлину, к которой и ходил раз в неделю. Отец, решив, что дело так пойдет и дальше, не стал обращать внимания дальше на эту ситуацию. Вылилось это в то, что Освальд, средний брат, стал встречаться чуть ли не с половиной двора; отец угробил кучу времени и нервов на то, чтобы взять это дело хоть под какой-то контроль, и на то, чтобы не появились бастарды, сулившие свою порцию головной боли.

В итоге на семнадцатилетие я получил подарок в виде леди Эшли, которая, собственно, и обучила меня искусству любви. Однако на следующий день для меня стало неприятным открытием и то, что леди Эшли была в прямом смысле слова назначена моей фавориткой до тех пор, пока мне не подберут пару.

Впрочем, стоило отдать леди Эшли должное: дело свое она знала крепко. В большинстве случаев мне достаточно было просто закрыть глаза и получать удовольствие. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев, когда я целый день находился на ногах, никаких активных экспериментов мне и не хотелось.

– Ну что ж, принц, – довольно сказала леди Эшли, – растешь, как есть растешь. Три круга – и ты еще не уснул, как раньше бывало. Надо, надо в этом деле форму набирать, от королей всегда ждут наследников, сам знаешь. Эх, – она провела пальцем по моему животу, – было бы у тебя пузо немного меньше – цены бы тебе, такому принцу, не было.

Я обиженно надулся. Выпирающее пузо, в самом деле, было моим слабым местом, особенно в постели, когда это дело было ничем не скрыть.

– Что, обидно? – подмигнула мне леди Эшли. – Вот то-то же. Так что запомни: никакая я не старая и никакая я не мадам! Усек? А голова от меня тем более ни у кого не болит. Хорошо запомнил? Ни-у-ко-го!

– Точно ни у кого? – с улыбкой спросил я. – А сколько всего у вас клиентов? Может, хоть у кого-то, да болела...

– Ах ты, негодный мальчишка, – снова воскликнула леди Эшли, – на что ты намекаешь? Что я со всем двором сплю? Ну все, идем на четвертый круг.

– Нет, нет, леди Эшли, – взмолился я, – хватит, пожалуйста, хватит.

– Нет, принц, – сурово сказала леди Эшли, снова устраиваясь сверху. – Ты вел себя, как плохой мальчик, и будешь соответственно наказан!

Полчаса спустя, когда я уже почти заснул от бессилия, то услышал, как леди Эшли бормочет:

– Эх, а ведь вырос-то мальчишка, вырос. Да если бы он стал королем – на весь мир бы прославился.

* * *

Когда я проснулся на следующее утро, то первое, что обнаружил – это довольные рожи старших братьев.

– С днем рождения, – возвестили они мне, вытаскивая из постели и начиная дергать за уши. Мне оставалось лишь покорно терпеть. Несносная леди Эшли вчера так разошлась, что у меня даже сейчас почти ни на что не было сил.

– Наконец-то, – фыркнул Освальд, – вернулся наш трудоголик. Чуть собственный день рождения не прохлопал. Ты хоть иногда на отдых прерывайся, дружок. Потому что работать можно круглый год, а день рождения в году – один.

– В самом деле, – пробормотал я, сопоставляя даты и понимая, что сегодня мне, в самом деле, исполнилось девятнадцать лет. – Ну, приехал отдохнуть, называется. Снова суета и беготня на весь день.

– Такова наша принцевская доля, – притворно вздохнул Освальд. – Никуда не денешься. И кстати, тебе вчера очень повезло, что ты как-то проник к себе незамеченным. В Виллгард стекается масса народу – поздравить тебя с днем рождения. Ты в народе пользуешься просто бешеной популярностью, братишка.

– Но только не у казначея, – гоготнул Отто, старший брат. – Он как увидел, на какую сумму планируется выставить угощений и вина народу – его чуть новый припадок не хватил.

– Как он надоед, – устало сказал я, натягивая на себя одежду. – А когда у него новое поместье за Виллгардом появилось – удар его не хватил. А мог бы и хватить.

– Бесполезно, – уныло покачал головой Отто. – Он сунул руку во все карманы и взял по чуть-чуть. И с дворянских жалований, и с Академии Искусств, и даже с Магического Университета. И обстригал все так, что хрен прикопаешься. Мы с Осси уже проверяли.

– Не называй меня Осси, – вяло огрызнулся Освальд, в ширине плеч уступающий старшему брату в полтора раза. – Да и вообще: человек статьи в баланс сводит – и хорошо. Что вы от него еще хотите? Да и кто бы на его месте о себе бы не позаботился. А что он припадки разыгрывает – так его, небось, в свое время не взяли в Академию Искусств, вот он и отыгрывается.

В итоге мы так все втроем и пошли на завтрак. С Освальдом, если уж на то пошло, у нас те еще отношения. И связано это с тем, что бешеная популярность, которую я приобрел после строительства дорог, распространялась и на придворных дам, каждая из которых могла похвастать тем, что хотя бы пару раз ходила на свидание с Освальдом. И хотя вопрос интимной близости отец по-прежнему жестко держал в узде, просто встречаться с другими девушками он ему запретить был не в состоянии. Да и особой нужды в том не было: прямой наследник трона – Отто, а он вел себя не в пример благочестивее.

В целом, день прошел так, как я и боялся. Сплошные беготня и суматоха. После завтрака меня отвели к главному косметологу, где меня привели в порядок. Выглядел я после приведения в порядок так же, как и до, но это мало кого волновало. После чего придворный портной принес мне комплект одежды, который я ненавидел всей душой: белый мундир и такие же

штаны с золотыми лампасами. Впрочем, я ненавидел любые вещи, которые шил этот портной. Ибо все вещи шил ровно на полразмера меньше, чем нужно. При этом только попробуй возразить – сразу ответ:

– Так разносятся, Ваше высочество. Ежели больше сделать – так будет потом на вас мешком висеть. Кому же от этого хорошо будет.

Вот только мне от этого было не легче. Мало того, таким витиеватым способом портной находил способ намекнуть мне на мою полноту. После был званый обед, на котором присутствовало человек сто чиновников и просто важных людей при дворе. Меня засыпали кучей подарков, подавляющее большинство которых представляло собой одежду и дорогие украшения. При этом мне не нужно было ни то, ни другое: одежда всегда была неподходящей или по размеру, или по цвету. Драгоценности же я на себе не носил тем более. Связано это было не столько с природной нелюбовью к драгоценностям – как раз наоборот, некоторые вещицы наподобие перстней и запонок были очень недурны – сколько с наличием во мне магических способностей.

У магов был один значительный недостаток, который, однако, девяти из десяти магам совершенно не мешал жить. Недостаток этот заключался в том, что маги не могли носить на себе украшения из драгоценных камней. Вообще. Связано это с тем, что драгоценные камни имели свойство собирать и накапливать магию. По этой причине из них выходили хорошие амулеты и талисманы. Однако даже в пассивном состоянии камни высасывали из мага силы, заставляя его уставать за день в полтора, а то и в два раза быстрее. Так что если маг носит на себе драгоценный камень, то можно быть уверенным в том, что это – амулет или талисман, регулярно заряжаемый.

Когда меня поздравляли по очереди представители богатых дворов, я, чтобы не зевать, активно вертел головой по сторонам. И внезапно мой взгляд остановился на отце. Его Величество Арнольд Четвертый имел склонность к полноте, которая, впрочем, больше была связана с возрастом, ибо ему уже сорок пять лет. Густые каштановые бакенбарды тронула седина, а на лице появлялись первые морщины. Но насторожило меня не это. А то, что у отца были мешки под глазами, которые даже белила не могли скрыть полностью. Глаза же были красные, словно с недосыпа, он часто моргал, чтобы дать им хотя бы секундную передышку. Странно. Когда я уезжал из Виллгарда, предварительно сообщив отцу о том, какой уже получен экономический эффект, сколько его еще планируется, и как замечательно мы будем выглядеть в глазах других государств – отец выглядел здоровым, веселым и довольным жизнью. Что же случилось, что он настолько осунулся? Отто и Освальд, тоже сидящие здесь, вели себя так же, как и всегда.

После обеда представилась возможность отдохнуть пару часов, чем и я воспользовался: я по-прежнему был страшно вымотан. А ведь вечером все только продолжится.

* * *

С одной стороны – вздремнуть мне удалось всего на один час. С другой стороны – этот час вдохнул в меня колоссальный заряд бодрости. Меня сопроводили в королевскую ложу, где отец обычно говорил с народом. И он там, кстати, уже присутствовал.

– Надеюсь, ты отдохнул, сын, – с улыбкой сказал Арнольд Четвертый. – Тебе предстоит долгая речь.

– Почему отсюда? – удивился я. – Почему сразу не сказали? – я сурово посмотрел на Ахеола. – Я спущусь к ним. Мне кажется, они этого заслуживают.

– Дело твое, – пожал плечами отец. Но когда я выходил в сопровождении Ахеола из королевской ложи, сзади меня пристроились еще два стражника.

– Ах, принц Дитрих, да зачем эти дармоеды, – тут же стал канючить Ахеол. – Я сам о вас забочусь уже восьмой год так, как никто бы не позаботился. А этим неучам даже оружие доверить нельзя. Они эти алебарды, небось, по пьяни правильно в руки взяли.

Стражники сердито сопели позади нас, но шли молча, терпеливо снося все оскорбления. Ибо знали, что телохранитель может парой движений переломать им все кости. И вместе с тем, я прекрасно понимал, почему Ахеол их донимает. Как и всякий выросший на улице, к стражникам он питал свою особую великую «любовь». И теперь, получив возможность безнаказанно над ними издеваться, пользуется ею при всяком удобном случае.

– Ахеол, достаточно, – сурово сказал я. – Нисколько не сомневаюсь в твоём мастерстве, но эти стражники выполняют приказ моего отца.

– Как скажете, вашбродь, как скажете, – поспешно закивал Ахеол, пряча гаденькую улыбочку. Сегодня он был одет в старый потертый камзол с парой медалей непонятного происхождения, из которого шла чистая, хотя и явно старая манишка. Довершали облачение такие же старенькие брюки и стоптанные, хотя в прошлом и явно хорошие, сапоги. Больше всего Ахеол сейчас был похож на какого-нибудь вечно пьяного дядюшку из рода умеренной степени достатка, которого родственники каждое торжество упорно забывают, надеясь, что однажды он потеряется сам собой. Но, как и всегда, главный эффект был достигнут: глаз на телохранителя упорно не задерживался.

Спустившись, я прошепствовал через главный холл и, предвкушая бурные овации, распахнул главные двери.

Как и ожидалось, встретил меня восторженный рев толпы. Терпеливо дав народу прокричаться, я поднял руку, призывая всех к тишине.

– Добрые подданные Тискулатуса, – начал я. – Для меня – большая честь приветствовать всех и каждого, кто сюда пришел. Отчасти надеюсь, что этому поспособствовало то, что уже успел сделать, – снова аплодисменты. Прождав еще минуту, я продолжил: – Я знаю, что многие хотят дальнейших перемен. Однако я хотел бы особо обратить внимание на то, что уже случилось. Вы благодарите меня и воздайте мне почести – и, поверьте, для меня нет отраднее чувства, чем видеть, как то, что ты делаешь, нужно людям! Но это далеко не только моя заслуга. Это – заслуга каждого рабочего, который в любую погоду был готов работать. Это – заслуга каждого трактирщика, которые порой не скупились кормить рабочих даром, зная, что вкладываются в общее дело. Это – заслуга всех жен, которые ждали своих мужей, поддерживали их, кормили, одевали. Подобный результат – это всегда итог работы множества людей. И лишь когда каждый делает свое дело на совесть, подобное становится возможным. И потому я, в свою очередь, благодарю всех и каждого, кто уже приложил силы к тому, чтобы появилась эта дорога, и заранее благодарю тех, кому еще предстоит сделать так, чтобы она стала удобнее и безопаснее. Благодарю вас всех!

Новый шквал аплодисментов, свиста и восторженных криков, под которые служащие мероприятия начали вскрывать бочки с вином. Я поджал губы: к вину у меня было особое предвзятое отношение, из-за которого, собственно, и случился скандал, вынудивший меня покинуть дворец. Пока ко мне подходили с поздравлениями главы гильдий, которых не допустили до церемониального обеда, народ уже потихоньку начал праздновать. Когда ко мне подошел глава торговой гильдии с явным намерением произнести речь, полную похвал и благодарностей, меня внезапно взяли сзади за плечо.

– Ваше высочество, – виновато пророкотал солдат, – приношу извинения, что прерываю – но ваш отец желает вас видеть. И срочно.

Дабы не обижать главу торговой гильдии – то есть именно той, на которую я возлагал главные надежды к процветанию страны – я обменялся с ним рукопожатиями, сердечно поблагодарил за уделенное время и, извинившись, поспешно направился обратно в королевскую ложу.

– В тронный зал, ваше высочество, – поправил меня солдат, когда мы поднялись на пятый этаж дворца. – Его Величество ждет вас там.

Когда мы прибыли в тронный зал, отец уже сидел на троне. Не став нарушать этикет, я встал перед ним на одно колено, приветствуя по всем правилам.

– Ты очень популярен, сын, – с легким удивлением сказал король. – Даже когда меня короновали – таких оваций не было.

– Это овации для всего нашего рода, отец, – дипломатично ответил я. – Не будь ты королем и не создай государство, в котором в казне всегда имеются деньги для таких проектов – всего этого бы не было. Не вини людей в их недалекости и непонимании того, что им понять не дано.

– Спасибо, сын, – кивнул Арнольд Четвертый. – Собственно, тебя я сюда пригласил для того, чтобы преподнести тебе особый подарок.

Особый подарок от отца? Даже боюсь представить, что это может быть. Может, какое-нибудь уникальное право? Или отец уже хочет выделить мне какое-нибудь поместье? Или, может, мне разрешат самому выбрать фаворитку? Право слово, леди Эшли хороша, но за два года уже изрядно набила оскомину...

– Ты едешь жениться, сын, – сказал Арнольд, – на Безымянные острова. Твоя невеста – драконья принцесса.

Часть 2

Неслыханный союз

Глава 1, в которой меня удивляются ошарашить совершенно неожиданной новостью

Я чувствовал, как улыбка сползает с моего лица, словно мокрая тряпка по стене.

– Отец, это что, шутка такая? – недоумевающе спросил я отца, восседающего на троне. Трон – само произведение искусства – был сделан из белого золота (с каркасом из сплава чугуна и стали, о чем всегда скромно умалчивается), инкрустирован сапфирами и изумрудами. Учитывая его стоимость, на него без конца накладывали защитные заклятия, чтобы его нельзя было сдвинуть с места. В конце концов, по самым скромным подсчетам, даже если от замка ничего не останется, трон и несколько плит, его удерживающих, уцелеют даже при самых разрушительных обстоятельствах.

– Отнюдь нет, сын мой, – покачал головой мой отец, чуть тронув воротник своей пурпурной мантии. – Твоя жажда служить короне, без преувеличения, восхищает и вдохновляет меня. Именно ты больше всех напоминаешь мне себя самого в таком возрасте. Да и поручить такую задачу твоим братьям я, сам понимаешь, не могу. Отто слишком мрачен и угрюм, слишком неуклюж при дворе. Освальда же, – король покачал головой, – слишком часто заносит при общении с женским полом. Учитывая, что именно я собираюсь поручить, такая слабость неприемлема.

– Но... Но зачем им вообще это нужно? – недоуменно спросил я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать. – Они сотни лет прекрасно жили без нас! Даром, что у наших рас очень непростое прошлое. Да, в последнее время мы стали иногда иметь дело с драконами, – я вспомнил, как во время строительства дороги дракон дважды приносил нам камни для строительства в особо отдаленные участки. И по сравнению с тем, сколько было сэкономлено времени, его услуги стоили своих денег, – но чтобы вот так... породниться?

– А вот об этом, сын мой, мне бы хотелось поговорить с тобой, а также с твоими братьями, вечером, в более неформальной обстановке. Будет очень интересно услышать ваши идеи на этот счет. Так что сейчас можешь быть свободен. И не вешай нос, – улыбнулся король, – тебя всегда тянуло на великие дела. Так что может быть величественнее, чем жениться на драконьей принцессе? Кроме того, – многозначительно добавил он, – сию секунду никто не гонит тебя паковать вещи. Через неделю приедет консул, с которым начнется предварительное согласование. И через две недели после дня, когда мы придем к соглашению, ты отправишься к драконам. Так что времени у тебя вагон и маленькая тележка. Ты успеешь закончить все свои дела. А сейчас я прошу оставить меня. Мы поговорим завтра вечером... в обычном месте.

* * *

– Ну что, братишка, тебя ждет нынче славная невеста? – ехидно поприветствовал меня Освальд, когда я пришел в комнату для неформальных совещаний, где позволялось быть лишь лицам королевской крови.

– Не знай я тебя, братишка, то подумал бы, что ты завидуешь. Что, впрочем, весьма вероятно, так как тебе, несмотря на все твои навыки утонченного соблазнителя, до этой юбки точно не добежать.

Отто, уже сидевший здесь, рассмеялся, Освальд же оскорбленно отвернулся. Со стороны мой ответ мог показаться слишком жестким, но я слишком хорошо знал своего брата. Да, в обычное время он был вполне себе терпимой персоной, однако когда он начинал мнить себя непомерно остроумным, требовалось срочно ставить его на место.

– Прекращаем пререкания, – сказал отец, заходя в комнату и усаживаясь рядом со мной.

– Он первый начал, – обиженно сказал Освальд, который был старше меня на три года. – Он сказал, что я бегаю за юбками.

– Ты, в самом деле, так сказал, Дитрих? – отец с трудом удерживал серьезное выражение лица. – Немедленно скажи ему, что сожалеешь об этом.

– Освальд, я очень сожалею, что ты бегаешь за юбками, – кивнув, покладисто сказал я.

Отто снова заржал.

– Ах ты, маленькая белобрысая мартышка, – прошипел Освальд. – Да как ты смеешь меня поучать?!

– Уймись, Освальд, – сказал король. – Я тебе уже неоднократно говорил, что такое поведение однажды сыграет с тобой злую шутку. И тогда ты кончишь, как мой дедушка, Вольган Сладострастный.

– То есть хорошо, – уточнил Освальд.

– Нет, слишком быстро, – уточнил я.

– Так, ну все!..

– А вот теперь точно успокоились! – громыхнул отец. – Освальд, Дитрих, может, и позволяет себе лишнего, но ты и сам даешь ему для этого слишком много поводов! И я больше не желаю поднимать сегодня эту тему, она мне за три года уже острое... чертела! Ближе к делу, – сердито сказал король, – мне нужно услышать ваши мысли касательно того, зачем драконам понадобился союз с людьми. Отто?

Двадцатипятилетний здоровяк пожал плечами. В противовес превосходным физическим данным ума он был и правда невысокого, по крайней мере, по меркам двора. Впрочем, он этого не стыдился, а, наоборот, гордился своей прямолинейностью. И это определенно заслуживало уважение, ибо сфера, где он себя реализовывал, требовала наличия именно такого характера.

– Не знаю, отец, – пророкотал он. – Конечно, какую-то цель преследуют и какую-то выгоду. Но какую именно – не могу сказать. Не одна сотня лет прошла со времен Похода Убийцы, мы были совершенно не нужны друг другу. Почему и зачем сейчас – понятия не имею.

– Что ж, зато честно, – кивнул головой король. – Освальд, твои мысли?

– Может, скучно им стало? – пожал плечами щеголь. – Они же живут долго, не чета нам. Может, и сами себе уже надоесть успели. Вот и решили поискать новых ощущений.

– Понятно. Хотя и смешно. Драконы правили другими расами в древности очень долго. Не думаю, что им удалось бы продержаться столько времени у власти, представляй они из себя исключительно охотников за удовольствиями. Дитрих, ты что думаешь?

– Я думаю, что Освальд начал мыслить в правильном направлении, отец, – ответил я, успев какое-то время об этом подумать, – вот только не развил саму мысль до конца. Что нам известно о драконах? Они живут в полной изоляции от других рас. Как изменились за это время другие расы? Эльфы постоянно выводят новые сорта растений, развивают магию земли, взаимодействуют и с людьми, и с гномами. Многие энтузиасты готовы сотрудничать и с орками, и с гоблинами, и даже с троллями – благо у всех есть, чему поучиться. То же самое можно сказать и об орках, чьи быстрые корабли законно хозяйничают как в Северном, так и в Южном море, и с этой силой нельзя не считаться. Гномы совершенствуют свои механизмы. Все развиваются, взаимодействуя друг с другом. Как за это время изменились драконы? Я почти уверен, что никак. И вот сейчас до них, вероятно, дошло то, что другие расы поняли столетия назад. Если драконы так и будут продолжать оставаться в стороне – в конце концов, они безнадежно отстанут от времени. Подозреваю, этот вариант их не очень устраивает. Но

налаживать связи с простыми смертными им не с руки – не по росту одежка. Они же всегда считали себя благородной кровью. Вот и решили предложить союз члену королевской семьи.

– Весьма интересные мысли, сын, – одобрительно кивнул головой отец. – О чем-то подобном я размышлял и сам. Но есть еще один вопрос. Почему мы? Наше королевство больше известно, как торговое, нежели военное. А драконы, как мне думается, уважают и выбирают, в первую очередь, силу. Да и на материке есть государства и побогаче, и влиятельнее нашего.

– А тут уже, отец, дело, скорее всего в том, что ты единственный король, которому не жалко отдать своего сына на растерзание драконам, – ехидно ответил я. – Прочие же вполне закономерно боятся отдавать своих сыновей в такие браки. За дочерей я вообще молчу.

– Не говори глупостей, Дитрих, – отмахнулся отец. – Ты парень не глупый и должен понимать, что для нас, членов королевской семьи, брак по расчету – всего лишь вопрос времени. Взять хотя бы твою мать: наш брак – чистой воды расчет. Ни единой искры чувств между нами не вспыхивало никогда. Хорошо хоть ей пришла в голову идея открыть дома посольство нашей страны, теперь она сама же им и руководит. Идеально: и при деле, и на родине, недалеко от своих близких, и мне на нервы не действует.

– Ну а насчет того, что бояться, – задумчиво продолжал Арнольд Четвертый. – Может быть и бояться, но я не думаю, что эти опасения хоть немного обоснованы. Если драконы, в самом деле, заинтересованы в союзе с людьми – с тебя пылинки сдувать будут...

– Да уж, недостатка женского внимания тебе испытывать точно не придется, – мечтательно сказал Освальд. – Будешь настолько важной персоной, что на какую девушку ты покажешь пальцем, так ее тут же за тебя и...

– Благодарю за слова поддержки, Освальд, уверен, Дитрих их очень ценит, – перебил король своего среднего сына. – На этом я вас больше не задерживаю. Дитрих, заканчивай свои дела – через неделю нас ждет аудиенция с драконьим консулом; я желаю, чтобы ты был на высоте – и свободен от своих текущих обязательств. Все свободны.

Освальд первый вылетел из комнаты – как видно, очень спешил на очередное свидание. Следом за ним отправился я. Отто задержался, чтобы переговорить о чем-то наедине с отцом. Я же направился в свою комнату...

Глава 2, в которой я начинаю терять контроль над происходящим

Вернувшись к себе, я уже знал, что застаю там Фалкесту, сидящую в своей излюбленной позе на подоконнике. Она – подруга моего детства, сумевшая из обычных служанок самостоятельно дорасти до фрейлины. Правда, когда моя мать три года назад отбыла в родной Каргохолл, услуги многих фрейлин оказались не востребованы, но она не растерялась и предложила их одной из придворных дам, на что та в полном восторге ответила согласием. Так как на том, чтобы Фалкесту оставили при дворе, настоял лично я. В свою очередь эта дама, дабы укрепить за собой право иметь фрейлину, получила внеочередное повышение. В итоге, довольны остались все.

– Ну что, драконий жених, выпроваживают тебя из родного государства, – спросила девушка с каштановыми волосами и глазами цвета стали, – поматросили и бросили. Все в лучших людских традициях.

– Ох, Фалли, дорогая, не начинай эту песню, пожалуйста, – устало сказал я, падая на кровать, – мы это уже сто раз обсуждали. Все, что я делаю, я делаю не ради благодарности, а из чувства долга. Кроме того, в королевских семьях всегда есть слово «надо». Причем не просто «надо», а «надо» ради родного королевства. Так что не до такой степени это – неожиданность, до которой тебе кажется. Все равно это случилось бы, рано или поздно...

Понимая, что увильнуть от такой «честь» мне все равно уже не удастся, я обдумывал эту тему с разных сторон. И верно, очень сомнительно, чтобы драконы, спустя 600 лет добровольной изоляции, решили заполучить в лапы принца другой расы для того, чтобы сотворить с ним что-нибудь нехорошее в кулинарном плане. Да и потом, не стал бы отец посылать меня на верную смерть? Внезапно вспомнились слова ректора. Похоже, он уже что-то знал...

– Вот именно! У Его Величества трое сыновей, а из всех троих он выпроваживает именно тебя! – Фалкеста тем временем вскочила с подоконника и подпрыгнула ко мне, больно ткнув пальцем в грудь. – И знаешь, почему? Потому что он видит в тебе соперника. Ты совершил чудо, когда соединил города дорогами. Благодаря большому количеству торговцев многие товары стали чуть ли не в полтора раза дешевле. Да тебя боготворить готовы! Многие чуть ли не считают дни, когда ты – слышишь, именно ты – сядешь на трон! Потому что именно тебя мы хотим видеть, как короля. Про бабника Освальда я вообще молчу, его государственные дела не будут интересовать совершенно. Да и с Отто Тискулатус далеко не уедет. И не сверкай на меня глазами. Мне известно, как ты его уважаешь, но надо смотреть правде в глаза. Может, он и силен, в тактике и стратегии недурно разбирается, под его руководством было бы совершено много славных побед. Как полководец, он будет хорош, не спорю. Но как король – нет.

– Фалкеста, друг мой, придержи коней, – с улыбкой сказал я. – Мне точно известно, что нас не подслушивают, но все же не стоит вести такие речи так пылко и громко, как это делаешь ты. А то мало ли кто мимо моей комнаты ночью может проходить.

– Да плевать я на них всех хотела, – гневно сказала она. – Впервые для нашего государства появилась надежда. И что с тобой делают? Высылают отношения с драконами налаживать. Тьфу!

– Ты-то сама, кстати, что по этому поводу думаешь? – поинтересовался я.

– Я убиралась в это время в соседней комнате, так что кое-что подслушала, – сказала она. Я сделал вид, что поверил, будто она там оказалась случайно. – Да, я согласна с тобой, драконы безбожно боятся отстать от времени и стать древними ископаемыми. По крайней мере, других правдоподобных версий нет и у меня. Хотя каким образом они хотят подстегнуть прогресс за счет брака с членом королевской семьи другой расы – я понятия не имею.

– Ну а про «надежду», что за глупости? – спросил я. – Неужто мой отец так плох как король?

– Неплох, но ты и сам знаешь, что внешняя политика его волнует прежде всего. И то, что для нашей страны сделал ты, ему бы даже в голову не пришло, вот что печально. Работало триста лет так, как оно было? И еще триста лет проработало бы. А вот отношения с Фартензией, с Гновеликом, с эльфами... да, это прежде всего. Да и твой брак с драконами – из той же самой оперы.

– Ну, тут я бы не стал так уж сильно винить отца, – сердито сказал я. – Если он уделяет столько времени внешней политике, значит, на то есть причины. Ты сама знаешь, что государство наше маленькое, а потому дипломатию надо вести аккуратно и бережно. Иначе можно и глазом моргнуть не успеть, как наше государство, собственно, перестанет быть нашим, а станет лишь чьим-то вассалом. И жить люди будут еще хуже, чем сейчас. Поверь, история показывала такие примеры. Что до вступления в драконий клан, – мой голос снова стал сухим и безжизненным, – ты в детстве наверняка задавалась вопросом, за что членам королевской семьи с самого раннего детства такие почести и привилегии. Не за просто же так? Теперь ты это знаешь. Ты вольна распорядиться своей жизнью так, как пожелаешь. Если тебе надоест работа фрейлины, ты всегда можешь уйти, чтобы заняться чем-то еще. Попробовать держать постоянный двор или гостиницу. Выращивать сад, огород, оранжерею. Может, писать стихи или петь песни. Или стать рукодельницей – ткать, шить, вырезать по дереву. В общем, выбрать себе дело по душе. А я не могу. На меня с надеждой смотрит мой народ, я должен делать все для его благополучия.

– Вот именно, – внезапно прошептала она, наклонившись к моему уху, – для благополучия всего народа, а не горстки аристократов. Мы вверяем тебе свое благополучие, Дитрих Атросский.

– Что ты... сейчас имеешь в виду? – удивленно спросил я, чувствуя, как по телу пробежал холодок.

– Сегодня все может случиться. И тебе не нужно будет ехать к драконам. Сотни людей готовы пойти за тобой. Тебе достаточно сказать лишь слово.

– ЧТО?!

Я вскочил с кровати, потрясенный услышанным. Яростный взмах рукой – и через мгновение Фалкеста висит, скованная стальными путами.

– А ну повтори, что ты сейчас сказала?! – мой голос, сейчас больше похожий на рычание, было просто не узнать.

– Скажи лишь слово, прошу тебя, – умоляюще прошептала она со слезами на глазах, – и мы пойдем за тобой.

– Ты с ума сошла! – закричал я, напрочь позабыв о том, что нас могут подслушать. – Ты что, решила, что сможешь затеять революцию с сотней человек? А если бы и смогла – как ты могла даже подумать о том, что я могу поднять руку на отца?!

– Прошу тебя, – плача, умоляла она, – не трусь! Только не сейчас! Ты же мастер, Материалист! По твоему желанию в руках всех и каждого возникнет сабля, острее которой не будет во всем мире. Мы готовы пойти за тобой, только скажи!

– Ты безумна, – покачал головой я. – Ты увидела во мне кровожадное чудовище, готовое убить свою семью ради власти. Как ты могла?! Как ты могла такое затеять, такое допустить?!

Я в гневе отшвырнул ее в сторону двери. Кажется, она больно ударилась, но мне было плевать.

– Убирайся отсюда! И передай всем этим людям, чтобы они забыли всю ту глупость, что ты им вбила в их дуры башки!

– Прекрасно, сын мой, прекрасно, – раздался голос отца. В следующий момент в мою спальню вбежали трое стражников, грубо скрутив Фалкесту. Король же медленно прошествовал мимо меня и сел в одно из кресел.

– Мне донесли о таящемся заговоре, – снисходительно кивнул он мне. – Но я категорически был уверен, что ты не имеешь никакого отношения к этому мятежу. Заговорщики всего лишь хотели прикрыться твоим именем. Я был очень рад лично в этом убедиться. Уже задержано более пятидесяти человек. Ее и других троих зачинщиков ждет публичная смертная казнь. Я очень рад, – с этими словами он притянул меня к себе за руку и приобнял, – что не ошибся в тебе, сын мой. Увести ее.

– Нет, отец, прошу тебя, – сказал я, отстранившись и умоляюще посмотрев на него. – С другими делай, что хочешь, но ее пощади. Пожалуйста. Пусть приезжает драконий посол. Все будет так, как ты скажешь. Только пощади ее.

– Боюсь, сын мой, при всем моем уважении и благоволении, в этой просьбе я вынужден отказать, – покачал головой король. – Ты не понимаешь серьезности всей ситуации. На мою власть было совершено покушение. Такие действия надо пресекать жестко, в корне, чтобы в будущем у других даже мысли не возникло затеять подобное. Впрочем, я понимаю твои чувства, – он на несколько мгновений задумался, – хорошо, публично ее казнить не будут. Отведите девочку в крокодилю яму.

Фалкеста вырывалась, умоляла, но тщетно. Я сделал все, что мог, но и отец прав. Ни один король в здравом уме и твердой памяти не простит покушения на свою власть.

Прошло около двух часов. Несмотря на позднюю ночь, сна не было ни в едином глазу. Как?.. Как я мог не заметить, что под моим носом и под моим именем затевают бунт? И так ли уж поверил мне отец? На этот вопрос у меня не было ответа.

Внезапно дверь в комнату открылась. Его величество Арнольд Четвертый почтил своего сына визитом в такой поздний час, причем совершенно один. Оставалось только догадываться, почему.

– Как проходит допрос зачинщиков? – безжизненно спросил я, сидя на кровати и обхватив колени, – Еще не начали под воздействием средств допроса винить во всем меня?

– Как ни странно – нет, – хмыкнул король. – Ни твой телохранитель Ахеол, ни кучер Аркус, ни леди Эшли не сказали ни слова о твоей роли в заговоре.

Меня словно под дых ударили. Все те, кто был мне так предан, оказались в этом замешаны. Как я мог быть так слеп? Как я мог проморгать то, что у меня под носом готовится заговор? Почему, в конце концов, мне ничего не сказали? Я бы разогнал это сборище, успокоил бы людей. Дал бы им понять, что не все так плохо, что все еще наладится. А теперь... чего они этим добились? Только своей собственной смерти.

– И, по правде говоря, у меня нет оснований им не верить, – продолжал тем временем король. – Всех вас, своих сыновей, я знаю лучше вас самих. Трон тебе не нужен и подавно. С твоими способностями тебе больше подошло бы кресло министра развития. Или какого-то исполнителя. Чтобы можно было полностью отдаться порученному делу, не отвлекаясь на... тонкости и условности придворного поведения. Иметь такую свободу действия, что даже если где-то придется воспользоваться сомнительными методами, то результат окупит себякратно, а плодами этого труда будут пользоваться не один десяток лет. И хватит об этом. Если бы я тебе не поверил – ты бы сейчас находился не здесь.

Он достал из кармана старый ржавый ключ и положил его на тумбу перед зеркалом.

– Через двадцать минут твоей подруге зачитают приговор. После этого ей будет дано право на последнее желание. И потом ее бросят в яму. Это – ключ от боковой двери этого помещения, которой пользуются слуги, чтобы подкармливать рептилий. Тебе также должно быть известно, что яма соединяется каналом с городским рвом. У тебя есть где-то двадцать минут. Что делать дальше – ты знаешь сам. Ты здесь Материалист, не мне тебя учить.

– Отец, спасибо, спасибо тебе большое, – совершенно не ожидая такого поворота событий, я вскочил с кровати и обнял его.

– Не спеши, – король пару мгновений позволил себе посмаковать искреннее объятие, после чего отстранился. – Нужно выдворить ее из Королевства так, чтобы никто не узнал о том, что она жива. Все без исключения люди должны знать, что каждого, кто покусится на мою власть, ждет смертный приговор. Кроме того, ты должен донести до нее мысль, что она должна свалить так быстро и далеко, как только способна. Второго шанса у нее не будет, сам понимаешь. И да, – многозначительно добавил он, – надеюсь, ты не откажешь и мне в ответной услуге.

– Конечно, отец, – сказал я, – все, что угодно.

– Я думаю, ты понимаешь, что изловить и казнить всех бунтовщиков нет смысла. Я не мясник и понимаю, что для разрешения вопроса нужно показательно судить и казнить зачинщиков – тогда у остальных крамольные мысли вылетят из голов быстрее стрелы. Но для ускорения данного эффекта необходимо устранить источник, которым снова можно будет воспользоваться в своих целях.

Помолчав несколько секунд, он добавил.

– Драконий консул прилетает через три дня. А еще через три дня вы с ним улетаете. Так что в процессе ночной операции, будь добр, действуй аккуратнее. Терять товарный вид сейчас тебе совершенно не с руки...

* * *

Невидимый, я скользил по замку, ища то самое место, где был один раз в детстве и куда пообещал себе никогда больше не ходить. Память услужливо подсказывала, как пройти в запретное подземелье. Коридоры... коридоры петляли без конца. Становилось все холоднее. Но вот, наконец, вдали показались горящие факелы, послышались голоса. И вот она – освещенная площадка. Пятеро стражников и связанная Фалкеста. Сворачиваю в боковое ответвление и, смахнув паутину перед собой, спускаюсь вниз. Я не слушаю, что ей говорят стражники – мне нет до этого дела. Я хочу оставить в памяти ту Фалкесту, которую знал – прямолинейную, гордую, решительную и верную. Вот и дверь, за которой короткий скат вел прямо в воду. Открыв ее, я принялся терпеливо ждать.

Вода подо мной не была неподвижной: крокодилы, привлеченные человеческими головами, знали, что обычно за этим следует.

И вот, наконец, крик, которого я так ждал, чтобы начать действовать. Я прыгнул, наугад ловя Фалкесту. Мне повезло – я схватил ее за талию; в тот же момент вокруг нас возник хрустальный гроб – первое, что мне пришло в голову, – который с оглушительным всплеском рухнул в воду.

Создать хрусталь, который не пропустит воду, – это одно. А вот создать хрусталь, который выдержал бы натиск пастей и хвостов десятков крокодилий тел, – это совершенно другое. Я точно знал, что на подобное растратил не меньше половины запаса сил. Так что я медленно и аккуратно направил гроб в туннель, который, предположительно, должен был вывести нас.

– Что... что случилось? – спросил еще не оправившаяся от шока Фалкеста.

Я, зная, что мы уже уплыли из виду стражников, позволил хрусталу засветиться мягким светом, давая увидеть себя.

– Ах, какое счастье, – прошептала девушка. – Я умерла быстро, без мучений; прекрасный ангел в образе любимого мной Дитриха несет меня в рай в хрустальном гробу.

Я не обратил внимания на эту фантазию. В конце концов, девушка только что готовила себя к смерти.

– Нет, Фалкеста, это я, настоящий Дитрих. И ты не умерла.

– Но... как же тогда...

– Потом, все вопросы потом! – рыкнул я, чувствуя, как уже начала расползаться по телу слабость.

Девушка послушно замолчала, обняв меня так сильно и крепко, как только можно. А еще через несколько секунд она разрыдалась, горько и безутешно...

* * *

Несколько часов спустя мы сидели в одной из пограничных таверн, жадно поедая ту нехитрую снедь, которую нам изловчился изготовить трактирщик в пять часов утра. Фалкеста уже была переодета в дорожный комплект одежды, который я предусмотрительно взял с собой.

– Ты должна покинуть Тискулатус – и немедленно, – сказал я. – Я спас тебя лишь потому, что мне разрешил сделать это отец. Однако он знает, что ты жива; гильдия шпионов обязательно получит полный твой портрет. И если тебя где-то увидят, не сомневайся, схватят сразу же. И меня уже здесь не будет, чтобы хоть как-то тебе помочь.

– Да понимаю я. И все же, как жаль, что нас схватили. Троих моих друзей завтра казнят. Аркус, Ахеол, Эшли... Ах, если бы ты только знал, как мы мечтали, как планировали. Да Тискулатус под твоим командованием стал бы известен на весь мир. Он был бы самым безопасным местом на земле, где каждый, кто хотел бы честно трудиться, имел такую возможность и был бы счастлив. И нас предали!

– Фалкеста, я понимаю, что ты не отошла от шока, поэтому повторю еще раз, – тихо, но настойчиво сказал я: – я не смог бы убить свою семью. И не надо мне сейчас говорить о том, что все короли приходили так к власти – должен быть другой способ. Теория меньшего зла – это чушь, не стоящая выеденного яйца. Потому что в иных условиях все имеют равные шансы выжить или умереть. А в случае меньшего зла ты сам, лично, должен решить, кто будет жить, а кто нет. Если кто-то может принять такое решение – мое безмерное ему уважение. Я не могу. Возвести меня на трон, заставив убить свою семью, и потом ожидать мудрого и справедливого правления – это все равно, что сломать ветку дерева весной и потом ожидать, что летом на ней вырастут плоды! Поэтому лучше порадуйся тому, что это не успело вылиться в кровавую бойню. Отец казнит троих зачинщиков и успокоится. Так что сделай милость, сохрани себе жизнь. Чтобы не получилось так, что Ахеол, Аркус и Эшли умерли напрасно.

– Да я поняла уже, как это все было опрометчиво. Прости меня. Я уеду из Тискулатуса.

– Возьми это, – сказал я, доставая из внутреннего кармашка мешочек с деньгами. – Бесплатно тебя никто никуда не повезет. Здесь сверху где-то пять сотен серебряков и на дне – тридцать золотых. Использовал, когда выходил погулять инкогнито, чтобы золотом не привлекать к себе внимания. И это возьми. На память, – я оторвал с внутренней стороны запасную пуговицу своего камзола, который обычно не носил, сейчас накрытого иллюзией. – Если с деньгами совсем не сложится, продашь. Сапфир там настоящий – сотни на две золотых потянет.

– Спасибо, Дитрих, – она, приняв вещи, наклонилась и поцеловала меня в щеку. – Даст Создатель – еще свидимся...

Глава 3, в которой меня начинают приводить в надлежащий товарный вид

– Ваше высочество, вам пора вставать. Его величество Арнольд Четвертый желает, чтобы вы разделили с ним трапезу.

– Я не хочу, – сказал я, зарываясь головой в подушку. – Я хочу спать! И я сотню раз просил не называть меня «высочеством»!

– И как же мне тогда к вам обращаться? Гражданин принц? – ехидно ответили из-за двери. – Да и кстати: сейчас уже время обеда. Отец, вероятно, был в курсе, что ночью у вас были дела, а потому не стал вас будить. Но сейчас уже обед. Если вы продолжите спать, у вас может сбиться режим сна, это негативно скажется на вашем здоровье.

Я не стал уточнять, что во время строительства ВТП (так нескромно я про себя называл построенные дороги – Великий Торговый Путь) мой режим сна был таким же неустойчивым, как море во время бури. И ничего, несколько походов к целителю в Университете – и я был как новенький. Впрочем, она тогда что-то говорила насчет того, что определенная степень износа успела произойти, а потому настоятельно рекомендовала как можно реже подвергать себя таким нагрузкам в дальнейшем.

– Ладно, заходи уж, – проворчал я, вскакивая с постели и прыгая в душевую. После нелюбимого мной контрастного душа я вышел и увидел Гедрика, дворецкого, терпеливо меня дожидавшегося. На уже заправленной кровати лежал какой-то костюм.

– Это, – у меня язык отнялся от негодования, я тыкал пальцем в ворох цветастых тряпок. – Это что такое?

– Это костюм, в котором сегодня вас желает видеть ваш отец, – невозмутимо ответил дворецкий.

– Я это не одену! Кто это вообще делал? Это что, туфли с пряжками? А это что такое? Чулки? Панталоны? Да во двор никто в жизни таким не выйдет, чтобы не стать посмешищем!

– Ну и напрасно вы так думаете, принц, – заметил Гедрик. – Это последний писк моды при дворе. Если бы вы были чуть внимательнее во время празднования своего дня рождения, то увидели бы, что половина приглашенных гостей...

– Мне глубоко все равно, сколько последних разов там пиццала эта мода, – проворчал я. – Носить это просто унижительно!

– Придется, – теперь уже сурово сказал Гедрик. – Отец просил напомнить вам что-то насчет слова, которое вы ему дали. Он сказал, вы поймете.

Вздыхнув и больше не став спорить, я с помощью дворецкого принялся натягивать на себя все это великолепие. Наконец, натянув куртку и поправив берет, я с тоской уставился на себя в зеркало.

– Не так уж все и плохо, – вынес вердикт дворецкий. – Осмелюсь заметить, что именно сейчас вы стали похожи на принца сильнее, чем когда-либо.

– Гедрик, это ужасно, – сказал я, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу. – Неудобно до ужаса. Мало того, я теперь выгляжу, как напoмаженный слюняй, который без помощи слуги даже салфеткой рот вытереть себе не сможет.

– Все принцы именно так и должны выглядеть, – заметил Гедрик. – Их благородные головы постоянно заполнены мыслями о благополучии своего народа, им некогда отвлекаться на то, чтобы вытереть рот салфеткой или поправить пряжку на туфле.

– Ты это сам сейчас выдумал? – скептически спросил я, не сумев-таки сдержать улыбки.

– Это во всех учебниках дворцовых слуг так говорится, – с достоинством ответил Гедрик.

– Ладно, – махнул я рукой, – пошли...

* * *

– Да уж, сын, должен признать, тебе эта одежда не идет совсем, – задумчиво сказал король, наблюдая мою персону напротив себя за обеденным столом. – Куртка, может, и ничего, но штаны на тебе как-то привычнее смотрятся. Ладно, это можешь больше не надевать.

– Слава богам, – проворчал я. – А то я уж испугался, что мне в этом виде придется все время ходить. Да меня бы на смех подняли.

– Сын, просто, чтобы ты понимал: драконы не примут то, что им дают, просто потому, что альтернативы нет. Почти наверняка ты будешь подвергнут очень дотошному, детальному изучению со стороны их консула. Так что советую морально готовиться.

– При этом они сверхлегко согласились сжать сроки с трех недель до шести дней, – иронично хмыкнул я, нагружая свою тарелку. – Крайне высокий показатель безразличия, что и говорить. Ну а насчет детального и дотошного изучения – никаких унижений со своей стороны я не потерплю. Если будет надо – и пинка отвешу. А я могу, ты меня знаешь.

– Дитрих, как это недипломатично с твоей стороны, – укоризненно сказал Арнольд Четвертый, – принимающие гостей никогда так себя не ведут. Я очень надеюсь, что краснеть мне за тебя не придется. И все это не отменяет того факта, что мы тебя продаем, а сделать это надо как можно выгоднее.

– Тогда меня следовало нарядить в свадебное платье и фату, – фыркнув, ответил я, – и букет цветов в руки вложить.

– Так, ну все, хватит этих глупых шуток, – сказал король, – поел? Вставай и иди за Гедриком. У тебя сегодня очень насыщенный день!

Тут, увы, он сказал чистую правду. После завтрака я напрямиком направился к цирюльнику, который почти два часа колдовал над моей шевелюрой. Шевелюра спустя два часа практически не изменилась, зато я, по его словам, стал выглядеть просто бесподобно. После этого меня ждал кошмар в виде визита к косметологу. Сначала мое тело парили чуть ли не час, а потом принялись издеваться над ним всеми возможными способами. Начиная от скребления пяток, судя по всему, наждаком, до весьма болезненного массажа спины. Я терпеливо сносил все тяготы и унижения, пока не увидел, что мимо меня пронесли таз, в котором плавали... пиявки.

– А это еще что такое, – я сделал попытку извернуться, но руки массажиста крепко пригвоздили меня к месту, не давая пошевелиться.

– Пиявки, ваше высочество, – ответил человек, носивший звание главный королевский косметолог, хотя, на мой взгляд, ему больше подошло бы звание управляющего пыточных дел мастерами. Не удивлюсь, кстати, если он подрабатывает по совместительству, когда основной начальник этого ремесла уходит в отпуск. Что весьма вероятно, учитывая, что рядовые заплечных дел мастера имеют восемь недель отпуска вместо обычных шести – за вредность работы, а начальник – так все десять недель.

– И вы что, будете на меня их вешать? – в ужасе спросил я.

– А как же? Вам, ваше высочество, кровь не мешало бы почистить. А пиявки с этим делом лучше всех справляются. Вы бы знали, как ваш отец любит эту процедуру. Раз в месяц аккуратно выделяет время на свое здоровье – и каждый раз выходит от нас, как огурчик.

– Вы их хотя бы на лицо мне не вешайте, – жалобно сказал я.

– Что вы, ваше высочество, – укоризненно сказал косметолог, – их на лицо и нельзя – шрамики остаться могут. Не волнуйтесь, – он приподнял мне ухо, а в следующий момент в незащищенную кожу что-то вцепилось. Я от неожиданности дернулся, но массажист прекрасно знал свое дело, не давая мне и пошевелиться, – я с ними работаю не первый год и все про этих красавиц знаю. Первый раз неприятно всегда, ну да ничего, придется потерпеть.

В целом на мне побывало аж тридцать пиявок – три партии по десять штук, которые развешивали на мне, начиная от области за ухом и затем по всей шее с обеих сторон. Когда процедуры все же окончились, я с трудом нашел в себе силы, чтобы подняться с деревянного лежака, на котором пытали мое тело последние несколько часов.

– А это, ваше высочество, потому, что режим сна вы не соблюдаете, – укоризненно сказал главный косметолог. – Аякс, – это уже адресовалось массажисту, – проводи юного принца до его комнаты и проследи, чтобы он лег спать. У него на сегодня запланировано еще два мероприятия, но как врач я категорически запрещаю ему заниматься сегодня чем бы то ни было еще. Его величество Арнольда я сам извещу.

Массажист повел меня к спальне. Но я шел до такой степени медленно, что тот, не мудрствуя лукаво, первый раз за весь день открыв рот и пробормотав что-то вроде извинений, просто забросил меня за спину и понес, куда сказано. В спальне он аккуратно сгрузил меня на кровать, положил рядом на тумбу мою свернутую одежду и ретировался. Я же несколько секунд лежал без сил, после чего вспомнил-таки магическую формулу, придающую на короткое время заряд бодрости. Прошептал ее и почувствовав себя немного лучше, я поднялся с кровати и принялся одеваться. У меня оставалось еще одно незаконченное дело.

* * *

Я никогда не любил находиться в казематах – по самым естественным причинам. Почти всегда от узников смердело, а те, что были приговорены к смерти и понимали, что пути обратно уже нет, часто говорили такие вещи, которые я предпочел бы никогда в своей жизни не слышать. И все же сейчас мне пришлось сюда спуститься, чтобы в последний раз посмотреть на тех, кто все это затеял. Мне было неизвестно, для меня они это делали или для себя, но я все же хотел посмотреть им в глаза. Хотел узнать, чьей же это было идеей. В случае успешной реализации которой мне пришлось бы убить собственного отца.

– Ваше высочество, – ко мне подскочил стражник, поспешно пряча в подсумок фляжку с напитком известного содержания. – Зачем вы сюда спустились? Вам здесь небезопасно находиться.

– Мне нужно было сюда спуститься, Уитлок, – ответил я, благоразумно закрывая глаза на распитие алкоголя на службе. Здесь, непосредственно в тюремных казематах, особенно в блоке для приговоренных к смертной казни, без подобного топлива стоять на дежурстве невозможно. – Я должен повидать троих приговоренных... ну да вы понимаете, о ком я говорю.

– Понимаю, ваше высочество, – Уитлок кивнул и, вероятно, забывшись, снова достал фляжку и отхлебнул из нее, – но считаю своим долгом вас предупредить: это для вас может быть небезопасно. Ваш отец проводил насчет вас очень тщательное расследование. Если он узнает, что вы были здесь – у вас будут неприятности.

– Спасибо за предупреждение, – кивнул я, – мне об этом известно.

– Воля ваша, – кивнул стражник, – следуйте за мной.

Уитлок повел меня через тюремный блок. И, разумеется, узники, сидящие здесь, мгновенно обратили на меня внимание:

– Смотрите-ка, что за благородная шишка спустилась в нашу помойную яму...

– Неудачник. Даже переворот толком не смог организовать.

– Да куда ему. Драконья подстилка...

Я был готов к таким оскорблениям и заставлял себя не обращать на них внимания. Ибо в этом тюремном блоке сидели не просто приговоренные к смертной казни, но и достаточно жестоким образом. И пытаясь меня вывести из себя, они рассчитывали на то, что я подарю им быструю и безболезненную смерть.

– Дальше по коридору, – внезапно скомандовал Уитлок. – Я с вами не пойду.

Кивнув, я направился к двери. И за ней слышались вопли:

– Значит, стражники для тебя все – пьяные свиньи? Значит, быдло мы неотесанное? Ну, теперь-то ты за весь свой гнилой базар заплатишь, мразь! Лижи!

Я вошел в помещение. В комнатухе без окон находились трое узников и стражник. Аркус и Эшли сидели по дальним углам, прикованные цепями за руки сверху. По центру комнаты находилась колодка, в которую был заключен Ахеол. А перед ним стоял стражник с занесенной ногой.

– Не дождешься, – мстительно хрипел Ахеол. – Лизать сапоги, дружок, будешь ты своему командиру. Всю жизнь. И это если повезет. А не повезет – будешь лизать задницу.

– Ах ты, дрянь! – взвыл стражник, заноса ногу. Но в этот момент я кашлянул, охранник совершил почти что балетное па, повернувшись на одной ноге.

– Вашу ма... ваше высочество?! – вскрикнул он. – Зачем вы сюда пришли? Для вас это небезопасно! Да знаете ли вы, сколько гильдия шпионов убеждала вашего отца в том, что это небезопасно?

– Мне все известно, Исая, – кивнул я ему. – Но мне нужно поговорить с ними. Очень нужно. Пожалуйста.

– Исключено, – помотал головой стражник. – Принц, вы даже не столько меня, сколько себя опасности подвергаете, неужели вы этого не понимаете?

– Мне уже ничего не угрожает, – я покачал головой. – Дракониий посол прилетит через три дня. И он в любом случае меня получит.

– Хорошо, принц, – обреченно сдался стражник, – но я умоляю вас быть благоразумным! Вы-то отсюда улетите, а мне здесь еще работать. А у меня жена, ребенок...

Стражник Исая вышел. Я тут же создал звуковую иллюзию, которая при подслушивании снаружи создавала эффект, что я клянусь преступников, на чем свет стоит, и желаю им справедливого возмездия.

– Вашбродь, – прохрипел Ахеол. – Спасибо вам, что пришли. Знаем, вина наша крепка, и нет нам оправдания, но хоть последний разочек вас увидеть...

Несмотря на то, что я был взбешен, даже во мне шевельнулась жалость при виде Ахеола. Лицо представляло из себя сплошной синяк, оба глаза заплыли. Во рту недоставало половины зубов, из него непрерывно текла струйка крови.

– Я пришел сюда за одной вещью, – рыкнул я: – Кто? Кто решил все это затеять? Кто решил, что я должен буду убить своего отца?!

Призрачная надежда, вспыхнувшая было в глазах Аркуса и Эшли, угасла. Я же гневно смотрел на них.

– Я не слышу ответа! – прорычал я.

– Простите нас, господин Дитрих, – Ахеол заплакал. – Наша вина, как есть, наша вина. Как лучше хотели мы для всего народа, как лучше!

– Ахеол, почему именно ты? – спросил я, с трудом сдерживая слезы. – Ты-то больше всех жил, больше всех повидал. Тебе ли не знать, что не бывает так, что все и сразу! Пусть бы отец дальше занимался внешней политикой – а я бы занимался делами внутри государства. Не стоит так уж недооценивать внешнюю политику – наше государство небольшое, а если не совершать грамотных дипломатических действий – то мы запросто можем стать вассалом более сильного соседа. И тогда люди будут жить еще хуже, чем сейчас!

Никто ничего на это не ответил. Все трое просто молча плакали, понимая, какую глупость они совершили.

– И не зря благими намерениями вымощена дорога в преисподнюю, – злобно продолжал я, – потому что вот что вы все наделали! Вы трое умрете – и я ничего не могу с этим поделать. Меня отсылают к драконам – и не только вы, а весь народ Тискулатуса скоро посмотрит на меня последний разочек. Отец решит, что, получив благо, люди обнаглели и потеряли страх, и снова

возьмет страну в кулак. И все реформы, которые начались со строительства дорог, на этом и закончатся! Вот итог вашей деятельности! Скажите спасибо, что это хотя бы не переросло в кровавую бойню!

– Вашбродь, – Ахеол уже рыдал, как ребенок, – правы вы, кругом правы. Поверили мы в чудо и поплатились за это. И расплатимся завтра за это, жизнью своей расплатимся, и поделом нам, заслужили! Ну, умоляем, простите нас. Снимите хоть этот грех с души, умоляем! Чтoб не так невыносимо завтра было палачу шею подставлять.

Я вздохнул. Хватит. По-хорошему, с меня спрос должен быть не меньше. Я принц – и я все это так явно проморгал! А они – они простые люди. Которые слишком сильно поверили в чудо. Они и так завтра понесут высшую меру наказания.

Я подошел к кучеру, положил ему руку на лоб и прошептал:

– Я прощаю тебя, Аркус. Да смилуется над твоей душой Создатель.

После подошел к своей бывшей наложнице.

– Я прощаю тебя, Эшли. Да смилуется над твоей душой Создатель.

После подошел к телохранителю. Лоб его пылал, я мог только поражаться тому, как ему еще хватало сил оставаться в сознании.

– Я прощаю тебя, Ахеол. Да смилуется над твоей душой Создатель.

– Вашбродь, – совсем тихо спросил Ахеол, – а где Фалкеста-то? Почему ее нет с нами?

– Ее в ту же ночь сбросили в яму с крокодилами, – ответил я, бессильно сжав кулаки. – Всего моего влияния хватило на то, чтобы ее казнили быстро и без мучений.

– Бедная девочка, – прошептала Эшли, – она ведь больше всего хотела...

Я не стал ничего на это говорить. Постучав в дверь, я дал стражнику знать, что закончил. Он тотчас вошел в комнату.

– Послушай меня, пожалуйста, Исай, – сказал я охраннику. Тот, вероятно, от удивления, что я знаю его имя, послушно устался на меня.

– Я прошу тебя проявить снисхождение, – мягко сказал я. – Эти люди совершили разные проступки в своей жизни, завтра они заплатят за это своими жизнями. Не нужно усугублять их страданий. Создатель, – в этот момент я взял его ладонь в свою и положил в нее небольшой сапфир, – вознаграждает тех, кто проявляет терпение и снисхождение к ближнему своему.

– Хо... хорошо, ваше высочество, – стражник, мельком оценив содержимое своей ладони. – Я... я приму вашу просьбу к сведению...

Я покинул казематы как можно скорее. Меня душили злоба и бессилие. Какое счастье, что хотя бы Фалкесте удалось уйти. Искренне хотелось верить в то, что она не будет тупить и тормозить, ей хватит соображения убраться так далеко и так быстро, как это только возможно. Добравшись до своей кровати, я, не раздеваясь, упал на нее лицом в подушку. После чего горько и бессильно разрыдался...

* * *

На следующий день меня разбудили ни свет, ни заря. Но, учитывая, что лечь спать мне пришлось еще до девяти вечера, я на удивление отлично выспался. Дворецкий, уже не указывая, как мне должно одеться, повел меня на завтрак.

– Доброе утро, отец, – безразлично поздоровался я.

– Доброе, сын, – мрачно поприветствовал меня Арнольд Четвертый.

– Ты, конечно, уже знаешь, где я был вчера вечером?

– Разумеется, – хмуро сказал король, – и я очень надеюсь, что больше не увижу от тебя таких эскапад. Особенно когда ты включил свою магическую защиту от прослушки и едва не довел начальника гильдии шпионов до нервного срыва. Неужели ты думаешь, что никто не слышал, что именно ты там на самом деле говорил?

– Прости отец, – я покачал головой. – Понимаю, что я поступил глупо и безрассудно... Но я все же надеюсь, что ты меня поймешь. Я никогда бы не подумал, что можно так сильно разочароваться в людях.

Мрачное выражение исчезло с лица короля, он даже нашел в себе силы слабо улыбнуться.

– Да, сын, прекрасно тебя понимаю. Первый раз такое всегда больно. Да и я сам сталкивался с таким неоднократно... И до восшествия на престол, и после.

А я в этот момент поднял на отца глаза... и едва не заплакал от собственной глупости. Ведь до меня только теперь дошло, как ко всему этому относится отец. И дело было даже не в том, поверил он в мою непричастность к заговору или нет. Дело было в том, что на самом деле отцу на это было *наплевать*! Если бы он мог себе позволить меня убить, чтобы упрочить свою власть, и мгновенно угомонить несогласных – он бы сделал это, глазом не моргнув. Однако далеко не все люди, которые приезжали поздравлять меня с днем рождения, уже уехали из столицы. Да и стражники, конечно, с благоговением слушали о том, какие чудеса дипломатии творит Арнольд Четвертый в отношениях с другими государствами; вот только домой во время увольнительных они возвращались по дорогам, которые построил я. И далеко не факт, что все стражники так уж беспрекословно исполнили бы приказ убить меня. А если бы меня и удалось убить – то революция вполне могла бы начаться сама собой. Отец все это, разумеется, прекрасно понимал. И потому осуществлял единственно возможный вариант: отослать меня куда подальше...

Наконец, завтрак закончился; Гедрик повел меня на следующее, подозреваю, не слишком увеселительное мероприятие.

– Урок этикета, – коротко ответил он на мой вопрос, когда мы после приема пищи направлялись в очередной пункт списка. Я застонал, закатил глаза и попытался было завернуть обратно, но чуткий дворецкий вовремя схватил меня за руку и уверенно потянул дальше в нужном направлении.

– Не волнуйтесь, принц, полного курса вам читать никто не будет. Я, разумеется, прекрасно знаю, что вы умеете вести себя за столом, однако ваш отец крайне переживает за предстоящее мероприятие, поэтому он лично настоял на том, чтобы вы освежили в памяти все знания.

Урок проходил в одной из классных комнат, в которой я в возрасте от семи до двенадцати лет впитывал просто массивный объем знаний. По данной же причине особой теплоты к этому месту не испытывал. В классе меня уже ждал сервированный стол, за которым восседал преподаватель этикета Мартико.

– Рад видеть вас в добром здравии, принц, – кивнул мне головой преподаватель. – Насколько я помню, моя наука не всегда бывала вам по вкусу, ну да тут ничего не поделаешь: благородная кровь требует соблюдения определенных правил поведения. Впрочем, не вижу причин углубляться в полное повторение. Как утонченный светский лев вы не блистали никогда, но и чтобы вы ударили в грязь лицом – мне крайне сложно представить. Так что пройдемся по базовым понятиям. Перед вами сервирован стол на завтрак. Позавтракайте по всем нормам этикета. После этого представим, что я благородная дама, вы пригласите меня на танец, а потом на светскую беседу.

В целом я выступил неплохо, но некоторые моменты все же освежил в памяти. Господин Мартико терпеливо поправлял мои незначительные огрехи, тут же давая совет, как избежать их в будущем. Так что уже через полтора часа я в сопровождении дворецкого направился к учителю танцев.

Здесь я вполне обоснованно ожидал куда большей доли критики. Ибо имел склонность к полноте и весил добрых две сотни фунтов. А, как все время говорил учитель танцев господин Талико, после ста семидесяти фунтов каждые следующие пять заставляют своего обладателя двигаться на пять процентов более неуклюже и выдыхаться на пять процентов быстрее.

Как проходил сам урок, я говорить не буду. Скажу лишь, что моего терпения на его критику хватило ровно на пятнадцать минут, после чего возле господина Талико возникла огромная кувалда; я сказал, что следующую реплику касательно моего веса и грации я затолкаю ему обратно в глотку при помощи этого предмета. Мерзавец смолчал, но с таким презрительным снисхождением на меня посмотрел, что захотелось опустить ему кувалду на голову прямо сейчас. Впрочем, за такую грубость он мстил долго и жестоко, без конца заставляя повторять одни и те же движения со словами: «Нет, господин принц, это никуда не годится». Спустя три часа он отпустил меня, заявив, что сделал все, что было в его силах. И если все отвернется в другую сторону в тот момент, когда я буду танцевать, то, может быть, не опозорюсь.

Почти полностью выведенный из себя танцами, я направился на обед. Я был так зол, что даже не сразу заметил составившего мне компанию Освальда, тоже волей случая оставшегося во дворце. Отец поручил ему провести инспекцию городских садов, но мой средний брат не слишком спешил выполнять это поручение. Отто же отправился в Хандомак инспектировать тамошних стражников.

– Что, братишка, танцы по-прежнему не желают тебе даваться? – снисходительно спросил он.

– Не желают, – кивнул я. Очень хотелось подколоть его в ответ, но я сдержался. Какой в этом смысл? Я внезапно осознал до конца, для чего все это делаю. Для того чтобы навсегда покинуть это место. И, почти наверняка, больше никогда не увидеть никого из членов моей семьи. Так стоит ли окончательно портить и без того не идеальные отношения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.